МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКАЯ АКАДЕМИЯ

ЦИФРОВЫЕ ПРАВА

Учебное пособие

Волгоград
ВА МВД России
2023

УДК 347.211(075.8)
ББК 67.404.022я73
Ц 75

Одобрено
редакционно-издательским советом
Волгоградской академии МВД России

Цифровые права : учебное пособие / М. К. Глазкова, Н. В. Котельников, В. А. Садков, П. М. Филиппов. – Волгоград : ВА МВД России, 2023. – 68 с.

ISBN 978-5-7899-1489-2

В учебном пособии рассматривается специфика правового регулирования общественных отношений, складывающихся в связи с осуществлением и оборотом цифровых прав.

Пособие соответствует образовательным программам федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования по специальностям (направлениям): 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности»; 40.03.02 «Обеспечение законности и правопорядка» (бакалавриат); 40.05.03 «Судебная экспертиза»; 40.03.01 «Юриспруденция» (бакалавриат).

Издание рассчитано на курсантов, слушателей и адъюнктов, обучающихся в ведомственных образовательных организациях высшего образования Министерства внутренних дел Российской Федерации.

УДК 347.211(075.8)
ББК 67.404.022я73

Рецензенты: профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя доктор юридических наук, профессор *Т. В. Дерюгина*; доцент кафедры государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России кандидат юридических наук *Л. И. Кулицкая*.

ISBN 978-5-7899-1489-2

© Глазкова М. К., гл. 1, 2023
© Котельников Н. В., гл. 1, 2023
© Садков В. А., гл. 2, 3, 2023
© Филиппов П. М., введение, гл. 2, заключение, 2023
© Волгоградская академия МВД России, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4

Глава 1. Цифровые права
как объекты гражданских правоотношений 10

Глава 2. Виды цифровых прав 21

Глава 3. Цифровая валюта
как объект гражданских правоотношений 59

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 66

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 67

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня мы являемся свидетелями того, как информационно-телекоммуникационные технологии все глубже проникают в каждый сегмент нашей жизни, что является следствием индустриального переворота, составляющего базу для четвертой промышленной революции, нередко именуемой как «Индустрия 4.0»[1]. Поскольку наиболее перспективным путем повышения благосостояния и качества жизни граждан нашей страны становится использование новых технологических решений, Правительство Российской Федерации утвердило программу «Цифровая экономика Российской Федерации»[2]. Однако значимость обозначенных в этой программе проблем показала, что для консолидации усилий общества на пути повышения качества жизни населения вопросы перехода на новый формат экономических отношений должны быть рассмотрены не на правительственном, а на национальном уровне. Это привело к тому, что 24 декабря 2018 г. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам утверждена национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»[3], при разработке которой был учтен весь положительный опыт, накопленный ранее.

Перспективность и значимость лежащих в основе цифровой экономики интернет-технологий, технологий больших данных (big data), технологий облачного хранения информации (cloud storage) и других IT-технологий (в том числе технологий искусственного интеллекта) позволяют повысить эффективность экономических процессов, обеспечить доступность тех или иных благ для значительной части населения. Сегодня мы наблюдаем формирование открытого рынка

---

[1] См.: Тарасов И. В. Индустрия 4.0: понятие, концепции, тенденции развития // Стратегии бизнеса. 2018. № 6 (50). С. 57–63.

[2] См.: Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71634878/ (дата обращения: 20.04.2023) (утратила силу).

[3] См.: Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам протоколом от 24 декабря 2018 г. № 16). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

труда[1], развитие кошеринговых технологий (co-sharing), в основании которых лежат идеи совместного владения материальными благами, становление института общественных лицензий на свободное программное обеспечение (General Public License)[2]. Набирают поддержку концепции экономики совместного потребления (Sharing Economy), экономики сотрудничества, викиномики (Wikinomica). Они формируют наше представление о направлениях развития постиндустриального общества[3].

По мнению Дона Тапскотта, в качестве основы нового экономического уклада следует рассматривать явление digitization, сутью которого является цифровая форма существования информации[4]. Такая форма существования информации позволяет оперативно обмениваться сведениями, имеющими значение для участников взаимодействия независимо от объема передаваемой информации и места нахождения участников взаимодействия, при этом сроки информационного обмена минимальны. Однако перевод информационного обмена в цифровую форму требует соответствующего технического обеспечения, так как, по справедливому мнению А. А. Мохова, в рамках цифровой экономики самым серьезным образом меняется формат взаимодействия между бизнесом и потребителями, государством и бизнесом[5]. Л. В. Санникова и Ю. С. Харитонова обоснованно полагают, что цифровизация экономических процессов позволяет

---

[1] См.: Томилов В. В., Семеркова Л. Н. Маркетинг рабочей силы: учеб. пособие. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. гос. ун-та экономики и финансов, 1997. С. 6.

[2] См.: Маркова В. Д. Цифровая экономика: учебник. М.: ИНФРА-М, 2021. С. 101.

[3] См.: Авдокушин Е. Ф., Кузнецова Е. Г. Экономика совместного потребления: сущность и некоторые тенденции развития // Экономический журнал. 2019. № 2 (54). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomika-sovmestnogo-potrebleniya-suschnost-i-nekotorye-tendentsii-razvitiya (дата обращения: 17.07.2022); Гатауллина Д. Р. Сотрудничество как экономическая категория // ПСЭ. 2010. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotrudnichestvo-kak-ekonomicheskaya-kategoriya (дата обращения: 23.07.2022); Тапскотт Д., Уильямс Э. Викиномика. Как массовое сотрудничество изменяет все. URL: http://www.litmir.me/br/?b=137942 (дата обращения: 20.07.2022).

[4] См.: Tapscott D. The digital economy: Promise and peril in the age of networked intelligence. New York: McGraw-Hill, 1996. Vol. 1. P. 376.

[5] См.: Мохов А. А. Инновационные биотехнологии и информационные технологии – драйверы биоэкономики и смены парадигмы права // Проблемы гармонизации экономических отношений и права в цифровой экономике. М.: Юстицинформ, 2020. С. 56.

существенно снизить транзакционные издержки, ускорить проведение транзакций, упростить доступ участникам хозяйственной деятельности на товарные рынки[1]. В. П. Камышанский считает, что появление новых цифровых возможностей в гражданском обороте должно упростить жизнь россиян[2].

В то же время И. А. Близнец обращает внимание на то, что стремительное развитие технологий не только раскрывает неограниченные возможности для доступа к объектам, созданным в цифровой среде, но и обусловливает проблематику охраны и защиты прав на такие объекты[3]. Вопросы защиты прав потребителей в эпоху цифровизации экономики поднимает А. Ф. Пьянкова[4]. В. Б. Вехов обоснованно говорит о необходимости привлечения внимания общества, законодателя, научной общественности и правоприменителей к совершению противоправных деяний в сфере цифровой экономики и осуществлению эффективного противодействия[5]. О. А. Серова считает актуальным проведение ревизии методологических подходов, используемых при выполнении гражданско-правовых исследований в цифровую эпоху[6].

Формулируя национальные цели развития Российской Федерации на период до 2030 г., Президент Российской Федерации обозначил цифровую трансформацию в качестве одного из направлений, которые смогут обеспечить прорывное развитие нашей страны[7].

---

[1] См.: Санникова Л. В., Харитонова Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. М., 2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] См.: Камышанский В. П. О цифровой экономике и цифровом праве // Власть Закона. 2019. № 1 (37). С. 16.

[3] См.: Близнец И. А. Цифровые технологии и защита авторов от незаконного использования исключительных прав авторов // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. № 1 (31). С. 33.

[4] См.: Пьянкова А. Ф. Особенности защиты прав потребителей в эпоху цифровизации экономики // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 301.

[5] См.: Вехов В. Б. Преступления в сфере цифровой экономики: совершенствование расследования на основе положений электронной криминалистики // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 630.

[6] См.: Серова О. А. Проблемы развития методологии гражданско-правовых исследований в цифровую эпоху // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. № 1. С. 351.

[7] См.: О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г.: указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 30. Ст. 4884.

Сутью процессов цифровой трансформации (от англ. digital transformation, DT или DX) принято считать внедрение цифровых технологий в различные сферы общественных отношений[1]. В соответствии с представленным Правительством Российской Федерации Проектом единого плана по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 г. и на плановый период до 2030 г.[2] в рамках цифровой трансформации в ключевые отрасли российской экономики и в социальную сферу предусматривается внедрение перспективных цифровых технологий, использование конкурентоспособных отечественных ИТ-решений, переход на юридически признаваемый электронный документооборот, создание нормативных и финансовых условий для эффективного внедрения цифровых технологий во все сферы нашей жизни.

Процессы цифровой трансформации оказывают значительное влияние и на сферу права[3]. Ученые-правоведы все активнее стали развивать концепцию «цифрового права»[4], причем проблематика его обоснования как некоей новой юридической реальности в системе российского права занимает весьма значительное место в современных научных дискуссиях юридической направленности[5].

Говоря о необходимости модернизации законодательства в условиях цифровой экономики, К. М. Беликова ответственно заявляет, что «правовой вакуум в сфере цифровой экономики создает множество

---

[1] См.: Мирзагаева Ш., Асланов Г. Процесс цифровизации общества: к чему он приводит и что ожидать в будущем? // Metafizika (журнал) [англ.]. 2022. Т. 5, № 20-4. С. 10–21.

[2] См.: Проект единого плана по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 г. и на плановый период до 2030 г. (подготовлен Правительством Российской Федерации в редакции от 1 марта 2021 г.). URL: https://rusbankrot.ru/upload/epdncr-proj.pdf (дата обращения: 20.09.2022).

[3] См.: Полякова Т. А. Влияние цифровой трансформации на развитие информационного права: тенденции, проблемы, перспективы // Мониторинг правоприменения. 2020. № 2 (35). С. 53.

[4] См.: Карцхия А. А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 17; Карцхия А. А. Цифровые права и правоприменение // Мониторинг правоприменения. 2019. № 2 (31). С. 44.

[5] См.: Трансформация права в цифровую эпоху: монография / под ред. А. А. Васильева. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2020. С. 103.

проблем, когда используются технологии, разрушительные для традиционных моделей ведения бизнеса»[1].

Уже на протяжении нескольких лет в Российской Федерации цифровые технологии внедряются в экономическую сферу, что привело к появлению нового класса активов. В научной литературе эти активы именуются различным образом: «криптоактивы», «виртуальные активы», «цифровые активы», «криптовалюта», «токены», «стейблкоины»[2] и пр. Однако, несмотря на вариативное терминологическое обозначение, общий смысл таких категорий заключается в том, что посредством использования всевозможных цифровых инструментов (как правило, на базе распределенного реестра) фиксируются имущественные требования и притязания различных участников гражданского оборота.

Создавая правовую базу для обеспечения эффективного внедрения новых технологий, российский законодатель ввел в юридический лексикон категорию «цифровые права», определение которой сформулировано в ст. 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Однако, по справедливому мнению А. В. Габова, в полной мере адекватно описать цифровые права как новую реальность достаточно непросто[3].

Даже по прошествии трех лет с момента законодательного признания жизнеспособности категории «цифровые права» дискуссия относительно сущности этого феномена, специфики его оборота и пр. продолжается. Это обусловливается дуализмом в понимании правовой природы цифровых прав российским законодателем. Нередко, формулируя нормы, регламентирующие использование цифровых технологий в экономике, российский законодатель оперирует терминами и дефинициями, допускающими их неоднозначное толкование. Это не может не сказаться на качестве правового обеспечения

---

[1] Беликова К. М. Особенности правового регулирования цифровой интеллектуальной экономики // Закон и право. 2018. № 8. С. 26–30.

[2] См.: Кочергин Д. А. Экономическая природа и классификация стейблкойнов // Финансы: теория и практика. 2020. № 6. С. 140–160. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1692261145&tld=ru&lang=ru&name=140-160.pdf&text (дата обращения: 28.09.2022).

[3] См.: Цифровые права как новый объект гражданского права / Л. Новоселова, А. Габов, А. Савельев [и др.] // Закон. 2019. № 5. С. 31–54.

взаимодействия субъектов цифровой экономики, что, в свою очередь, негативно сказывается на экономическом обороте нашей страны в целом.

При формулировке легального определения категории «цифровые права» в качестве направления понимания природы этого феномена было выбрано рассмотрение цифровых прав как особой разновидности имущественных прав. Имущественные права согласно нормам ст. 128 ГК РФ безапелляционно относятся к объектам гражданского оборота.

В действующей редакции ст. 141.1 ГК РФ цифровые права признаются законодателем как «обязательственные и иные права», которые отнесены к категории «цифровые права» в соответствии со специальным указанием на это в законе. Содержание и условия осуществления этих прав должны определяться правилами установленной информационной системы, функционирующей в соответствии с требованиями, определяемыми Федеральным законом от 21 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Однако легальное определение категории «цифровые права», сформулированное в ст. 141.1 ГК РФ, не содержит каких-либо четких юридически значимых признаков, позволяющих отграничивать цифровые права от других видов обязательственных и иных прав. Вместо того чтобы охарактеризовать специфику новой юридической категории должным образом, российский законодатель использовал отсылочный способ изложения правовых норм, составляющих содержание ст. 141.1 ГК РФ.

Сегодня в качестве специальных законов, в которых определенные права обозначены как «цифровые», следует рассматривать Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 259-ФЗ) и Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о ЦФА). Приведенные нормативные правовые акты в качестве разновидностей цифровых прав называют «утилитарные цифровые права» и «цифровые финансовые активы». При этом такая категория, как «цифровая валюта», не рассматривается российским законодателем в качестве какой-либо разновидности цифровых прав.

Глава 1. Цифровые права как объекты гражданских правоотношений

Начало двадцать первого века ознаменовано стремительной «цифровизацией» всех сфер деятельности человека. Не осталась в стороне и юриспруденция, поскольку значительный массив регулируемых правом общественных отношений переместился в «электронную» среду. У современного общества возникла потребность в правовом регулировании отношений, связанных с использованием результатов интеллектуальной деятельности в цифровой форме, оформлением юридически значимых документов в электронной форме, в том числе с применением электронной цифровой подписи, совершением с помощью компьютерных технологий некоторых процессуальных действий. Наиболее сильно эти тенденции проявляются в последнее время в сфере имущественного оборота в результате формирования и развития «криптоэкономики», основанной на блокчейн-технологиях.

Потребность в легализации имущественных отношений, возникающих в «электронной среде» и создании правового механизма регулирования этих отношений, подтолкнула государство к введению нового понятия «цифровые права». Новелла получила закрепление в ГК РФ[1]: Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»[2] предусмотренный ст. 128 ГК РФ перечень объектов гражданских прав дополнен цифровыми правами. Содержание новой правовой категории раскрывается в нормах ст. 141.1 ГК РФ. Дальнейшее развитие институт цифровых прав получил в нормах Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[3] и Федерального закона

[1] См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (части первая, вторая, третья и четвертая). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] См.: О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] См.: О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[1].

Анализ современной юридической литературы приводит к выводу о том, что используемые подходы к определению понятия и признаков цифрового права часто зависимы от области юриспруденции, в которой данный термин применяется. К примеру, определение «цифровые права» (digital rights) имеет достаточно устоявшееся понимание в зарубежных источниках, однако относится не к имущественному обороту, а характеризует общие права человека в цифровом пространстве[2]. Приведенное ниже понятие цифровых прав, сформулированное в гражданском законодательстве, необходимо рассматривать как специальное отраслевое понятие, предназначенное для использования в целях регулирования имущественных отношений, основанных на принципах гражданско-правового регулирования.

В соответствии с положениями п. 1 ст. 141.1 ГК РФ под цифровыми правами понимаются «названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу».

При формулировке легального определения категории «цифровые права» в качестве направления понимания природы этого феномена было выбрано рассмотрение цифровых прав как особой разновидности имущественных прав. Законодатель, включая цифровые права в предусмотренный ст. 128 ГК РФ перечень объектов гражданских

---

[1] См.: О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] См.: Белых В. С., Егорова М. А. Криптовалюта как средство платежа: новые подходы и правовое регулирование // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 2. С. 140–147.

прав, отнес их, наряду с безналичными денежными средствами и бездокументарными ценными бумагами, к имущественным правам. Имущественные права согласно нормам гражданского законодательства безапелляционно относятся к объектам гражданского оборота.

Содержание, виды и порядок осуществления цифровых прав ГК РФ раскрывает минимально. Используя бланкетную конструкцию основной нормы ст. 141.1 ГК РФ, законодатель предполагает принятие ряда законодательных актов, относящих определенные субъективные гражданские права к числу цифровых. Тем не менее ст. 141.1 ГК РФ позволяет выделить признаки цифрового права.

Во-первых, как было отмечено выше, для отнесения субъективного права к числу цифровых требуется прямое указание закона. Таким образом, законодатель оставил за собой возможность определять объем, содержание и способ фиксации каждого вида цифровых прав. Например, Федеральный закон № 259-ФЗ содержит в ст. 8 указание на утилитарные цифровые права, содержание которых может составлять: право требовать передачи вещи (вещей); право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности; право требовать выполнения работ и (или) оказания услуг. При этом не могут быть утилитарными цифровыми правами обязательства, предметом которых являются имущественные права, подлежащие государственной регистрации, либо сделки с ними, которые подлежат государственной регистрации или нотариальному удостоверению.

Во-вторых, цифровые права – это имущественные права, которые могут быть не только обязательственными, но и иметь иную имущественную природу. Имущественный характер цифровых прав очевиден из содержания ст. 128 ГК РФ, хотя не все специалисты разделяют данный вывод[1].

Ярким примером цифровых прав обязательственного характера являются утилитарные цифровые права. Как видно из приведенных выше норм Федерального закона № 259-ФЗ, утилитарные цифровые права определяются исключительно как «права требования», т. е. обя-

[1] См.: Ковязина Н. М. О вопросе защиты цифровых прав // Юрист. 2022. № 1. С. 49–54.

зательственные права. Кроме того, в п. 3 ст. 8 Федерального закона № 259-ФЗ подчеркивается, что права признаются утилитарными цифровыми правами, если они имеют договорное происхождение.

Цивилистическая доктрина, помимо обязательственных прав, выделяет среди имущественных гражданских прав вещные права, корпоративные права и исключительные права. Могут ли цифровые права иметь иную, необязательственную природу? На данный момент ответить утвердительно на этот вопрос можно в отношении цифровых прав корпоративного характера. В частности, к цифровым финансовым активам, которые являются разновидностью цифровых прав, Закон о ЦФА относит возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам и право на участие в капитале непубличного акционерного общества.

В-третьих, осуществление, распоряжение или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в определенной информационной системе, правила которой определяют и содержание, и условия осуществления цифровых прав. Таким образом, существование цифровых прав законодатель неразрывно связал с использованием субъектами этих прав информационной системы (в частности, инвестиционной платформы). Представление о том, что является информационной системой, можно получить из терминов и определений, используемых в ГК РФ и Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон об информации)[1]. Информационная система в соответствии со ст. 2 Закона об информации – это совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств. В свою очередь, информационные технологии – это процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов. Базой данных согласно абз. 2 п. 2 ст. 1260 ГК РФ является представленная в объективной форме совокупность самостоятельных материалов, систематизированных таким образом,

[1] См.: Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

чтобы эти материалы могли быть найдены и обработаны с помощью электронной вычислительной машины (ЭВМ).

Данный признак имеет ключевое значение для характеристики цифровых прав. Анализируя нормы Федерального закона № 259-ФЗ, устанавливающие правила оборота утилитарных цифровых прав, В. В. Кресс приходит к выводу о том, что объекты утилитарного цифрового права совершенно необязательно являются виртуальными. Уникальность цифровых прав проявляется в существовании обязательств и прав на имущество исключительно в рамках правил информационной системы наряду с автоматическим характером их существования и возникновения[1].

В Законе об информации отмечается, что помимо государственных, региональных и муниципальных информационных систем могут создаваться иные системы, оператором которых является собственник технических средств, обрабатывающих информацию. Это важное положение для оборота цифровых прав, поскольку операторы таких «частных» информационных систем вправе устанавливать свои правила функционирования информационной системы (п. 6 ст. 13 Закона об информации). Поэтому для осуществления юридически значимых действий в отношении цифровых прав необходимо ознакомиться с правилами платформы, в пределах которой существуют данные права. Кроме того, нужно отметить, что законодатель не учел, что правила информационной системы со временем могут меняться. Отсутствие правила, определяющего действие таких правил во времени, формирует благодатную почву для потенциальных злоупотреблений.

Таким образом, цифровые права могут быть объектом имущественных правоотношений, возникающих при функционировании торговых или финансовых площадок, обслуживаемых информационными системами, предусматривающими внутренний оборот определенных цифровых прав. Вне указанных площадок цифровые права не существуют. Данное правило сформулировано в законодательстве императивно и категорично, однако специалисты отмечают, что толковать его, скорее всего, следует ограниченно. В частности, при совершении

[1] См.: Кресс В. В. Цифровые права как объекты гражданских прав: правовое регулирование и перспективы развития в условиях цифровизации гражданского оборота // Журнал российского права. 2022. № 4. С. 67–76.

ряда финансовых операций цифровые права могут быть «материализованы» путем осуществления закрепленных в них возможностей. Буквальное толкование этого правила существенно сужает перечень способов исполнения обязательства, корреспондирующего цифровому праву. Каким образом, например, в рамках информационной системы можно исполнить обязательство по передаче вещи? Исходя из содержания ст. 224 ГК РФ, это возможно только одним способом – посредством передачи товарораспорядительного документа[1].

В-четвертых, осуществление, распоряжение или ограничение распоряжения цифровым правом возможны без обращения к третьему лицу. Автоматизация обработки действий обладателя цифрового права, с одной стороны, упрощает порядок осуществления и оборота цифровых прав по сравнению с аналогичными процедурами в реальной действительности, а с другой – создает дополнительные, в том числе «технические», риски.

Лицо, которое в соответствии с правилами информационной системы имеет возможность распорядиться цифровым правом, по общему правилу, считается его обладателем (п. 2 ст. 141.1 ГК РФ).

Возможность распорядиться цифровым правом подтверждается и развитием института купли-продажи. Новая редакция п. 4 ст. 454 ГК РФ указывает на цифровое право, как на возможный объект купли-продажи. Таким образом, общие положения о договоре купли-продажи применимы к возмездному отчуждению цифровых прав, несмотря на их специфику.

Для распоряжения цифровыми правами совершаются сделки в особой форме – так называемые смарт-контракты. С английского языка smart contract переводится как «умный контракт». С технической точки зрения, смарт-контракты – компьютерный алгоритм, предназначенный для обмена информации о совершаемой сделке в пределах информационной системы. Особенности смарт-контрактов определяются уникальными свойствами электронной среды информационной системы, которая используется для совершения и исполнения смарт-контрактов. Во-первых, смарт-контракты содержат максимально

[1] См.: Иванов Н. Осуществление цифровых прав по ГК и Закону о краудфандинге: сайт zakon.ru – первая социальная сеть для юристов. URL: https://zakon.ru/blog/2019/11/22/osuschestvlenie_cifrovyh_prav_po_gk_i_zakonu_o_kraudfandinge (дата обращения: 01.06.2022).

четкие условия сделки; во-вторых, они предоставляют возможность отслеживания транзакций, которые проводятся с их помощью, что способствует высокому уровню безопасности имущественного оборота; в-третьих, и это самое главное – смарт-контракт самостоятельно отслеживает выполнение условий такой сделки каждой из сторон (например, информационная система может автоматически применять штрафные санкции к нарушителю обязательства по смарт-контракту).

Несмотря на отмеченную специфику возникновения и исполнения гражданско-правовых обязательств в электронной среде, следует согласиться с Е. А. Сухановым в том, что термин «смарт-контракт» должен иметь исключительно техническое значение и не должен подменять юридическую категорию «сделки»[1]. По этой причине в отечественном гражданском законодательстве не используется и, вероятно, не будет использоваться понятие «смарт-контракт», хотя абз. 2 ст. 309 ГК РФ признает способ исполнения сделки, отдаленно напоминающий исполнение обязательства по смарт-контракту.

Изучая закрепленные в современном отечественном гражданском законодательстве признаки цифровых прав, исследователи отмечают, что отсутствие указания на токены и криптовалюту, на использование распределенного реестра для учета прав позволяет распространить данную правовую категорию на любые права, фиксируемые в цифровой форме[2].

Нетрудно заметить, что новый объект гражданских прав представляет собой юридическую фикцию, сильно напоминающую бездокументарную ценную бумагу, поскольку под цифровыми правами понимается, по сути, определенная совокупность электронных данных (цифровой код), которая удостоверяет обязательственные и иные субъективные права.

Сходство цифровых прав с бездокументарными ценными бумагами порождает вопрос о сущности цифровых прав. Анализ действующих

---

[1] См.: Суханов А. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. № 6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] См.: Конобеевская И. М. Цифровые права как новый объект гражданских прав // Известия Саратовского университетата. Серия «Экономика. Управление. Право». 2019. Т. 19. Вып. 3. С. 330–334.

норм гражданского законодательства приводит к выводу о том, что цифровые права не обладают признаками нового объекта гражданских прав, а лишь являются специфичной формой фиксации субъективных, прежде всего обязательственных, прав. В частности, Е. А. Суханов отмечает, что включение цифровых прав в перечень имущественных прав не означает появления нового вида субъективных гражданских прав – речь идет лишь о юридическом закреплении нового термина, лексическое значение которого явно не соответствует его содержанию. «Как и в ситуации с бездокументарными ценными бумагами, – отмечает ученый, – это положение стало закономерным результатом использования современным отечественным законодателем давно известного пути приспособления к новым потребностям и условиям старой юридической формы»[1].

В пользу данного вывода говорят и некоторые положения специального законодательства о цифровых правах. В частности, в ст. 2 Закона о ЦФА говорится о «правах, удостоверенных цифровыми финансовыми активами», т. е. цифровые финансовые активы здесь рассматриваются уже не как сами права, а как запись, удостоверяющая цифровые права. Это позволяет заключить, что законодатель так и не смог выработать единый подход к пониманию сущности цифровых прав.

Кроме того, цифровыми финансовыми активами в соответствии со ст. 1 Закона о ЦФА признаются цифровые права, включающие «денежные требования», «возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам», «права участия в капитале непубличного акционерного общества» и «право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг». Как видно, цифровые права охватывают два уже известных вида объектов гражданского оборота: обязательственные права и корпоративные права, закрепленные эмиссионными ценными бумагами. В последнем случае цифровые права затруднительно представить даже как особую форму субъективных прав.

В соответствии со ст. 4 Закона о ЦФА цифровые финансовые активы, подобно бездокументарным ценным бумагам, подлежат учету в информационной системе и существуют только в виде записей в ней. Очевидно, что цифровые финансовые активы получили

[1] Суханов Е. А. Указ. соч.

правовой режим, очень схожий с бездокументарными ценными бумагами, отличаясь только особой (электронной, или цифровой) формой фиксации некоторых имущественных прав. По этой причине в цивилистической доктрине получил признание следующий вывод: под термином «цифровые финансовые активы» следует понимать не оригинальную группу объектов гражданских прав, а новый способ фиксации принадлежности и объема некоторых уже известных гражданскому праву обязательственных и корпоративных прав участников гражданского оборота посредством использования цифровых технологий распределенного реестра и функционирования информационных систем, в которых осуществляется дистанционное взаимодействие контрагентов. Тогда как под объектами гражданских прав следует понимать права, удостоверенные по конструкции цифровых финансовых активов[1].

Иногда цифровые права отождествляют или сопоставляют с токенами. В переводе с английского языка слово «токен» означает «знак», т. е. токен – это средство обозначения, идентификации. Данный термин имеет очень широкое применение в различных сферах деятельности человека. В прошлом токен – это металлический жетон, который использовался вместо денег при нехватке мелких монет[2]. В лингвистике токенизация – это процесс обработки текста, который заключается в разбиении его на отдельно значимые единицы, токены[3]. В сфере цифровых технологий термин «токенизация» применяется для описания процесса замены незащищенных элементов специально созданными защищенными – токенами[4]. Для этих целей, в частности, используется специальное устройство,

[1] См.: Садков В. А. Цифровые финансовые активы как объекты гражданских прав и их оборот: автореф. … дис. канд. юрид. наук. Волгоград, 2022. С. 11.

[2] См.: Фенглер Х., Гироу Г., Унгер В. Словарь нумизмата: пер. с нем. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Радио и связь, 1993. URL: http://www.numizm.ru/html/t/token.html (дата обращения: 01.06.2022).

[3] См.: Гречачин В. А. Понятие токенизации в корпусной лингвистике // Современные тенденции развития науки и технологий. 2015. № 9-4. С. 49.

[4] См.: Варнавский А. В. Токен или криптовалюта: технологическое содержание и экономическая сущность // Финансы: теория и практика. 2018. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/token-ili-kriptovalyuta-tehnologicheskoe-soderzhanie-i-ekonomicheskaya-suschnost (дата обращения: 01.06.2022).

именуемое токеном, с помощью которого осуществляется аутентификация пользователя – обычно на него записываются сертификаты электронной подписи (электронный ключ, аппаратный токен и пр.).

В цифровом имущественном обороте токен получил два основных значения: единица учета (для оборота криптовалют) или уникальный символ (в системах распределенного реестра). В этом контексте токен рассматривают как запись в распределенном реестре (блокчейне), удостоверяющую вещные, обязательственные, иные имущественные права. Как видно, в таком значении токен понимается как цифровая форма фиксации субъективных прав. Однако особенность токена в том, что он может удостоверять не только имущественные права, но и различные блага, лишенные какой-либо экономической ценности, которые по тем или иным мотивам представляют интерес для «держателя» токена. По мнению некоторых специалистов, именно токен, а не бездокументарные ценные бумаги должен был стать прообразом цифровых прав для отечественного законодателя[1].

Как уже отмечалось выше, «цифровые права» определяются в основном как отраслевая категория гражданского (частного) права. Между тем в литературе обращается внимание на публично-правовые аспекты регулирования оборота цифровых прав. Дело в том, что большинство операций с цифровыми правами (например, выпуск (эмиссия) криптовалют) происходит в «децентрализованном» порядке при отсутствии должного контроля со стороны государства и в условиях анонимности участников. Это не только подготавливает почву для использования таких виртуальных объектов в противоправных целях, но и существенно усложняет защиту прав и охраняемых законом интересов правообладателей. Представители криминального мира довольно быстро оценили широкие возможности для использования криптоактивов в целях легализации преступных доходов, в качестве предмета коррупционного подкупа, средства расчета за наркотики, оружие и т. п. Кроме того, криптовалюта и цифровые финансовые активы имеют экономическую ценность, что делает их притягательным предметом корыстных посягательств. По таким

[1] См.: Рожкова М. Цифровые права (digital rights) – что это такое и нужны ли они в Гражданском кодексе? URL: https://zakon.ru/blog/2020/8/17/cifrovye_prava_digital_rights__chto_eto_takoe_i_nuzhny_li_oni_v_grazhdanskom_kodekse#_ftn9 (дата обращения: 01.06.2022).

причинам опасения со стороны государства относительно легитимности сделок с использованием «цифрового имущества» вполне обоснованы.

В связи с этим представляет интерес предложение Е. А. Суханова о признании правоотношений, связанных с оборотов цифровых прав, натуральными обязательствами (в качестве временной меры до разработки адекватного и эффективного механизма правового регулирования рассматриваемых отношений). По мнению ученого, государственная, прежде всего судебная, защита участников таких сделок и их интересов может предоставляться лишь при условии их известной «открытости», позволяющей подвергать контролю законность их содержания, осуществлять налогообложение и т. п. (например, при совершении сделок на контролируемых государством «криптовалютных биржах» либо ином информировании о них финансового регулятора, налоговых и других органов публичной власти)[1].

Таким образом, легальное определение категории «цифровые права», сформулированное в ст. 141.1 ГК РФ, не содержит каких-либо четких юридически значимых признаков, позволяющих отграничивать цифровые права от других видов обязательственных и иных прав. Вместо того чтобы охарактеризовать специфику новой юридической категории должным образом, российский законодатель использовал отсылочный способ изложения правовых норм, составляющих содержание ст. 141.1 ГК РФ, оставив до конца нераскрытым вопрос: являются ли цифровые права новым объектом гражданских прав или новой формой их фиксации?

[1] См.: Суханов Е. А. Указ. соч.

Глава 2. Виды цифровых прав

Проблематика определения правовой природы и соотношения категорий «цифровые права», «цифровая валюта», «цифровые финансовые активы», «утилитарные цифровые права» заключается в том, что если опираться на действующие в настоящее время правовые дефиниции этих категорий, содержащиеся в нормах ГК РФ и ФЗ № 259 от 2019 г. и ФЗ № 259 от 2020 г., то цифровой финансовый актив и утилитарное цифровое право есть не что иное, как разновидность категории «цифровое право», рассматриваемой законодателем в качестве специфического объекта гражданских правоотношений.

Согласно п. 1 ст. 141.1 ГК РФ цифровые права представляют собой совокупность обязательственных и иных прав. Если в отношении отнесения к цифровым правам категории «обязательственные права» особых проблем не возникает (главное определиться, кто кредитор, а кто должник), то в отношении допустимости выделения в составе цифровых прав категории «иные права» требуются определенные уточнения.

Помимо обязательственных прав, в цивилистической доктрине в качестве нематериальных объектов гражданских правоотношений выделяются: вещные права; личные неимущественные права; права на результаты интеллектуальной деятельности и корпоративные права. Судя по природе вещных прав, они не могут являться разновидностью цифровых прав, так как объектами вещных прав становятся предметы материального мира, а оборот цифровых прав осуществляется в виртуальном пространстве. Не могут относиться к категории цифровых прав и личные неимущественные права, так как они не имеют товарно-стоимостного характера и неотчуждаемы от личности их носителя. Таким образом, российский законодатель под цифровыми правами понимает совокупность обязательственных, корпоративных и исключительных прав.

Нормы ст. 8 ФЗ № 259 от 2019 г. определяют, что разновидностью утилитарных цифровых прав являются: 1) право требовать передачи вещей (вещи), не относящихся к категории «регистрационных вещей», или вещей, сделки с которыми подлежат обязательному нотариальному удостоверению; 2) право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности

и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности; 3) право требовать выполнения работ или оказания услуг. Следует отметить, что содержание и условия осуществления таких прав должны определяться инвестиционной платформой.

В качестве цифровых финансовых активов в соответствии с нормами п. 2 ст. 1 ФЗ № 259 от 2020 г. могут выступать: 1) денежные требования; 2) возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам; 3) права участия в капитале непубличного акционерного общества; 4) право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг. Эти требования и права считаются цифровыми финансовыми активами только тогда, когда это указано в решении о выпуске цифровых финансовых активов, а учет, обращение и выпуск таких виртуальных активов в информационной системе должны осуществляться с использованием технологии распределенного реестра.

Анализ приведенных выше правовых конструкций позволяет А. Ю. Чурилову сформулировать обоснованные сомнения в целесообразности позиционирования цифровых прав в качестве специфических объектов гражданских прав. Данный автор отмечает большую схожесть содержания действующих норм, регламентирующих оборот цифровых прав с нормами, регулирующими оборот бездокументарных ценных бумаг. В процессе исследования современного российского законодательства под категориями «цифровые права», «цифровые финансовые активы» и «утилитарные цифровые права» следует понимать не какие-то особенные объекты гражданских правоотношений, а рассматривать их с позиций формы закрепления совокупности имущественных требований в электронно-виртуальной среде.

Формулируя нормы, касающиеся «утилитарных цифровых прав», законодатель говорит о них как о способах фиксации имущественных прав, касающихся требований о передаче вещей, об оказании услуг или о выполнении работ, а также о предоставлении исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выступающих в качестве эквивалента инвестиционных вложений. Если же законодатель касается общественных отношений по поводу «цифровых финансовых активов», то в данном случае специфика фиксации имущественных прав проявляется в использовании технологии распределенного реестра, а сущностью этих имущественных прав

являются требования, имеющие денежно-стоимостное выражение. В рамках дискуссии о цифровых финансовых активах вполне обоснованно говорить о них как о цифровых аналогах векселей, акций, облигаций с денежным покрытием и опционов эмитента.

Говоря о цифровых финансовых активах как о способе удостоверения имущественных притязаний и принадлежности их конкретному лицу, законодатель устанавливает, что записи о правах, удостоверяемых цифровыми финансовыми активами, должны совершаться в информационной системе, прежде всего, на базе технологии распределенного реестра, что позволяет осуществлять децентрализованное хранение информации о принадлежности, об эмиссии, о передаче прав, удостоверенных цифровыми финансовыми активами. В качестве основных преимуществ фиксации имущественных требований с использованием технологии децентрализованных учетов принято называть надежность хранения соответствующей информации, ее прозрачность и доступность, безопасность системы, цифровую форму предоставления данных, ускорение процессов обмена информацией за счет отсутствия посредников.

Еще одно подтверждение того, что цифровые финансовые активы рассматриваются законодателем в качестве специальной формы фиксации субъективных имущественных прав, обнаруживается при анализе текста п. 14 ст. 5 Закона о ЦФА. В данном случае о цифровых финансовых активах говорится с позиций учета прав на акции непубличного акционерного общества, выпущенные в виде цифровых финансовых активов. Однако в п. 4 ст. 6 Закона о ЦФА законодатель опять рассматривает цифровые финансовые активы в качестве объектов гражданских правоотношений и говорит о сделках с цифровыми финансовыми активами.

Законодателем сформулированы достаточно четкие требования, предъявляемые к операторам информационных систем, в которых могут осуществляться записи о принадлежности, виде и объеме прав, перечисленных в п. 2 ст. 1 Закона о ЦФА. В частности, такие операторы должны быть включены в специальный реестр операторов информационных систем. Ведение такого реестра возложено на Банк России. Помимо ведения реестра операторов информационных систем на Банк России возлагается функция осуществления надзора за деятельностью названных выше операторов.

Нормы п. 11 ст. 5 Закона о ЦФА наделяют Банк России властными полномочиями в сфере контроля за деятельностью субъектов, взаимодействующих в информационной системе, учитывающей операции с цифровыми финансовыми активами. Это проявляется в том, что если будут выявлены факты несоответствия оператора информационной системы, в которой осуществляются записи о правах, удостоверяемых цифровыми финансовыми активами (существующего в форме хозяйственного общества), либо лица, имеющего право распоряжаться 10 и более процентами голосов, приходящихся на голосующие акции (доли), составляющие уставной капитал такого оператора, установленным требованиям, предъявляемым к деловой репутации названных выше лиц, то Банк России управомочен направить им предписания с требованием об устранении выявленных нарушений или о совершении сделки (сделок) по уменьшению доли участия в уставном капитале соответствующего оператора информационной системы до размера, не превышающего 10 процентов такого участия.

Для того чтобы окончательно уяснить правовую природу категорий «цифровые финансовые активы» и «цифровые права», можно рассмотреть классификацию цифровых финансовых активов, приведенную в п. 2 ст. 1 Закона о ЦФА, и соотнести выделяемые виды цифровых финансовых активов с уже известными объектами гражданских прав.

В качестве первого вида цифровых финансовых активов законодатель называет денежные требования. Несомненно, что права, составляющие сущность денежных требований в свете Закона о ЦФА, ничем не отличаются от иных денежных требований, возникающих в рамках иных обязательств. Об этом явно свидетельствуют нормы ст. 147.1, 149.3, 368 и др. ГК РФ. Новацией является только способ фиксации таких требований. Если ранее принадлежность и объем денежных требований фиксировались в текстах договоров, доверенностей, завещаний и других известных для гражданского оборота формах волеизъявления участников гражданских правоотношений, то с развитием цифровых технологий какие-либо новые денежные требования не появились. Появились лишь новые механизмы объективации во вне воли сторон гражданских правоотношений, т. е. новым является не само право, а способ фиксации притязаний управомоченного

субъекта. То же самое можно сказать и о правах по эмиссионным ценным бумагам, правах на участие в капитале непубличного акционерного общества, праве требования передачи эмиссионных ценных бумаг, которые названы в п. 2 ст. 1 Закона о ЦФА в качестве иных разновидностей цифровых финансовых активов.

Анализируя нормы ст. 141.1 ГК РФ, необходимо отметить, что в ней также ничего не говорится о каких-либо новых и оригинальных правах, которые были бы не известны цивилистической науке до введения в официальный юридический лексикон термина «цифровые права». А. Ю. Чурилов высказывает обоснованные замечания относительно необходимости рассмотрения цифровых прав как специфических объектов гражданских правоотношений и говорит о том, что нормы, регламентирующие оборот цифровых прав, практически идентичны нормам, касающимся установления правил оборота бездокументарных ценных бумаг[1].

Категории «цифровые права» и «цифровые финансовые активы» являются настолько взаимосвязанными, что отделить их друг от друга не представляется возможным. При этом следует отметить, что категория «цифровые финансовые активы» может рассматриваться как в широком, так и в узком смысле.

Понимание термина «цифровые финансовые активы» в широком смысле продемонстрировано в проекте Федерального закона «О цифровых финансовых активах», представленного для обсуждения в 2018 г.[2] В статье 2 анализируемого законопроекта предлагалось под ЦФА понимать имущество в электронной форме, создаваемое с использованием шифровальных (криптографических) средств, а в качестве разновидностей ЦФА назывались криптовалюта и токены. Авторы указанного законопроекта предлагали в качестве криптовалюты рассматривать такой вид ЦФА, который создается и учитывается в распределенном реестре цифровых транзакций участниками этого реестра в соответствии с установленными правилами ведения реестра

[1] См.: Чурилов А. Ю. К вопросу о целесообразности введения в Гражданский кодекс цифровых прав // Legal Concept (Правовая парадигма). 2020. Т. 19. № 2. С. 105–109.

[2] См.: О цифровых финансовых активах: проект федерального закона. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2018/01/main/Zakonoproekt_o_TSFA_250118_na_sayt.docx (дата обращения: 05.10.2022).

цифровых транзакций, а в качестве токена – такой вид ЦФА, который учитывается в реестре цифровых записей и может выпускаться только юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями в целях привлечения финансирования. Данный подход черпает начало из общего понимания цифровых активов как неких экономических благ, созданных в результате применения цифровых технологий[1]. Однако в процессе обсуждения законопроекта о ЦФА предлагалось категорию «цифровые финансовые активы» трактовать в узком смысле, когда криптовалюта выводится за пределы анализируемой категории, а средства привлечения финансирования, рассматриваемые в качестве разновидностей ЦФА, четко определены. Именно такой подход и был воспринят в итоге современным российским законодателем.

Действующая легальная трактовка термина «цифровые финансовые активы» содержится в ч. 2 ст. 1 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ[2]. В статье 1 указанного закона определено, что цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, предусмотренные решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном законом о ЦФА, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы.

Аутентичное толкование цитируемой нормы закона позволяет сделать однозначный вывод о том, что цифровые финансовые активы,

---

[1] См.: Санникова Л. В., Харитонова Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. М.: 4 Принт, 2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] См.: О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.

по мнению российского законодателя, – это определенный сегмент цифровых прав.

Действующее легальное определение категории «цифровые права» сформулировано российским законодателем в нормах ст. 141.1 ч. 1 ГК РФ[1], где установлено, что цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. По мнению российского законодателя, характерным признаком цифровых прав является то, что «осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу»[2].

В российском гражданском праве, помимо указанного выше подхода к определению сущности категории «цифровые права», существуют и другие. В частности, А. В. Тумаков и Н. А. Петраков предлагают понимать под цифровыми правами «права людей на доступ, использование, создание и публикацию цифровых произведений, на доступ и использование компьютеров и иных электронных устройств, а также коммуникационных сетей, в частности, к сети Интернет»[3]. Однако такой подход не получил распространение в научной среде и не был воспринят российским законодателем.

Буквальное прочтение ст. 128 ГК РФ, раскрывающей легальный подход к категории «объекты гражданских прав», позволяет утверждать, что цифровые права отнесены российским законодателем к одной из разновидностей имущественных прав, которые, в свою очередь, принадлежат к более общей категории «имущество».

Казалось бы, место цифровых финансовых активов в системе российского гражданского права четко установлено и этот феномен следует рассматривать как определенный сегмент такой категории,

---

[1] См.: Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ч. 1) (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

[2] Пункт 1 ст. 141.1 ГК РФ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Тумаков А. В., Петраков Н. А. Гражданско-правовые аспекты цифрового имущества // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 4. С. 67.

как «объекты гражданских прав». Однако, обращаясь к нормам п. 4 ст. 1, п. 1 ст. 2, п. 5 ст. 6 и др. закона о ЦФА, можно увидеть, что цифровые финансовые активы, помимо понимания этой категории как определенного сегмента объектов гражданских прав, рассматриваются современным российским законодателем и как способ удостоверения некоторых прав. В частности, в п. 4 ст. 1 закона о ЦФА указано, что цифровые финансовые активы *удостоверяют* права по эмиссионным ценным бумагам, выпуск учет и обращение которых регулируются Федеральным законом от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»[1] (далее – закон о рынке ценных бумаг) с учетом особенностей, предусмотренных законом о ЦФА, а в п. 1 ст. 2 закона о ЦФА указано, что «права, *удостоверенные* цифровыми финансовыми активами, возникают у их первого обладателя с момента внесения в информационную систему, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, записи о зачислении цифровых финансовых активов указанному лицу».

Таким образом, действующее российское законодательство демонстрирует двоякое понимание категории «цифровые финансовые активы». С одной стороны, они рассматриваются как оборотоспособные объекты гражданских прав, а с другой – как способ удостоверения неких прав.

Такая ситуация требует тщательного анализа, поскольку двойственность, демонстрируемая российским законодателем в понимании одной и той же категории, влечет проблемы в правоприменительной практике. Следует отметить, что закон о ЦФА, вступивший в силу с 1 января 2021 г., весьма сложно реализуется на практике. По состоянию на 19 мая 2021 г. на рассмотрении в Банке России находились только три заявки на регистрацию операторов информационных систем, в которых будет осуществляться выпуск ЦФА[2]. Однако и к окончанию 2021 г. в Российской Федерации в обращение не выпущен ни один цифровой финансовый актив.

---

[1] См.: О рынке ценных бумаг: федер. закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 17. Ст. 1918.

[2] См.: ЦБ РФ принимает заявки на создание операторов цифровых финансовых активов // Практический журнал по управлению финансовыми компаниями «Финансовый директор» (дата публикации: 19 мая 2021 г.). URL: https://www.fd.ru/news/51579-tsb-rf-prinimaet-zayavki-na-sozdanie-operatorov-tsifrovyh-finansovyh-aktivov (дата обращения: 01.06.2022).

Рассматривая категорию ЦФА в ракурсе объекта гражданских прав, дискуссия относительно правовой природы феномена «объекты гражданских прав» неизбежна. Понимание сущности категории «объекты гражданских прав» имеет важное практическое значение, так как для каждой отрасли права присущи свои объекты правового регулирования, в отношении которых применяются специальные (отраслевые) методы правового регулирования. Необоснованное применение методов правового регулирования, присущих одной отрасли права в отношении объектов правового регулирования, свойственных другой отрасли права, приводит к искажению сути правоприменения и принятию ошибочного решения[1].

Легального определения категории «объекты гражданских прав» в российском законодательстве в настоящее время нет. В главе 6 ГК РФ, посвященной общим положениям об объектах гражданских прав, российский законодатель основное внимание сосредоточил на перечислении элементов, составляющих категорию «объекты гражданских прав» (ст. 128 ГК РФ) и классификации объектов гражданских прав с позиций их оборотоспособности (ст. 129 ГК РФ), после чего перешел к регламентации правового режима вещей как объектов гражданских прав (ст. 130–137 ГК РФ) и охарактеризовал деньги (валюту), валютные ценности и цифровые права (ст. 140, 141, 141.1 ГК РФ соответственно) как самостоятельные элементы категории «объекты гражданских прав». В последующем в подразделе 3 ч. 1 ГК РФ, названном «Объекты гражданских прав», российский законодатель разместил нормы, определяющие правовой режим ценных бумаг (гл. 7 ГК РФ) и нематериальных благ (гл. 8 ГК РФ). Фактически получается, что регламентация такой категории объектов гражданских прав, как «имущественные права», в подразделе 3 ГК РФ[2] осуществлена только с позиций бездокументарных ценных бумаг и цифровых прав. Остальные нормы, касающиеся

[1] См.: Объекты гражданских прав: учеб. пособие для бакалавриата, специалитета, магистратуры / авт. кол.: И. В. Балтутите, А. И. Гончаров, Д. Н. Давтян-Давыдова [и др.]; под ред. проф. А. О. Иншаковой, проф. А. И. Гончарова. Волгоград: ВолГУ, 2018. С. 49; Гончаров А. И., Иншакова А. О. Развитие цифровых технологий таможенного регулирования внешнеэкономической деятельности на пространстве ЕАЭС // Право и управление. XXI век. 2021. № 17 (2). С. 24.

[2] Наименование подраздела «Объекты гражданских прав».

оборота имущественных прав, размещены в других разделах ГК РФ в рамках отдельных правовых институтов (прежде всего, в разделах III и IV ГК РФ, именуемых «Общая часть обязательственного права» и «Отдельные виды обязательств» соответственно).

Согласно ст. 128 ГК РФ к объектам гражданских прав относятся вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага[1].

Рассматривая проблематику объектов гражданских прав, А. П. Анисимов, А. Я. Рыженков и А. Ю. Чикильдина утверждают, что это один из важнейших вопросов, интерес к которому с каждым годом только растет, поскольку увеличивается и преображается круг самих объектов. При этом расширение круга объектов гражданских прав происходит не только в русле правовых реформ, но и с развитием науки и техники[2]. Названные выше авторы полагают, что категория «объект права» может рассматриваться в качестве: объекта нормы права (предмета правового регулирования); объекта субъективного права; объекта правоотношения[3].

Отстаивание многозначности категории «объекты гражданских прав», наполнение смыслом этой категории с позиций правоотношения, субъективного права и в других аспектах приведет к бесконечности научной дискуссии и словесной эквилибристике. Ю. К. Толстой еще в 60-х гг. прошлого века писал, что необходимости разграничения таких категорий, как «объект нормы права», «объект правоотношения», «объект субъективных прав и обязанностей», «объект сделки», нет, так как это, по сути, одно и то же[4].

---

[1] См.: ст. 128 ГК РФ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] См.: Анисимов А. П., Рыженков А. Я., Чикильдина А. Ю. Объекты гражданских прав: новые векторы правового регулирования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5 «Юриспруденция». 2013. № 4 (21). С. 8.

[3] Там же. С. 9.

[4] См.: Толстой Ю. К. К теории правоотношения. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. С. 52.

Проведя большую работу, посвященную анализу различных точек зрения на проблематику соотношения категорий «объект субъективного гражданского права», «объект гражданского правоотношения» и «объект гражданского оборота», изучив и сопоставив мнения различных ученых (таких как М. М. Агарков, Д. Д. Гримм, А. П. Дудин, О. С. Иоффе, В. А. Лапач, В. Н. Протасов, Г. Ф. Пухта, Р. О. Халфина, Л. А. Чеговадзе, Г. Ф. Шершеневич и др.), В. А. Белов пришел к выводу о том, что категория «объекты гражданских правоотношений суть любые, функционально годные для этой роли субстанции, исключая субъектов и содержание правоотношений, а также юридические факты», а «объекты гражданского оборота суть сами гражданские правоотношения, в первую очередь – их активная составляющая (субъективные права)»[1].

Выводы, полученные В. А. Беловым в части недопустимости отождествления категорий «субъекты правоотношений» и «содержание правоотношений» с категорией «объекты правоотношений», бесспорны. Однако говорить о том, что объекты гражданского оборота – это сами гражданские правоотношения, некорректно. Правовые отношения – это отношения между субъектами права по поводу принадлежности и использования определенных объектов, поэтому под объектами гражданских прав понимаются материальные и нематериальные блага, по поводу которых взаимодействуют субъекты гражданского права[2]. М. М. Валеев отмечает, что категории «объекты гражданских прав» и «объекты гражданских правоотношений» тождественны и охватывают определенные блага, в связи с принадлежностью и (или) передачей которых у субъектов возникают права и обязанности. При этом в качестве благ в гражданском праве А. С. Яковлев рассматривает предметы интереса участников гражданских

[1] Объекты гражданского оборота: сб. ст. / под ред. М. А. Рожковой. М.: Статут, 2007. С. 76.

[2] См.: Иванчак А. И. Гражданское право Российской Федерации: общая часть. М.: Статут, 2014. С. 123; Беспалов Ю. Ф., Якушев П. А. Гражданское право в схемах: учеб. пособие. М.: Проспект, 2013, С. 42; Основы гражданского права: общая часть (для иностранных слушателей, обучающихся в образовательных организациях системы МВД России): учеб. пособие / редкол.: П. М. Филиппов (отв. ред.), А. Н. Садков, Н. В. Котельников. Волгоград: ВА МВД России, 2017. С. 99.

правоотношений[1], а М. М. Валеев понимает под ними различные предметы и явления, способные удовлетворять потребности субъектов[2].

Ряд авторов, помимо указания на категорию «благо», при формулировании дефиниции термина «объекты гражданских прав» относят к ним еще и процесс их создания[3]. Так называемая «Бирлинговская концепция двойного объекта правоотношения», когда в качестве объекта правоотношения, с одной стороны, рассматривается поведение лица, обязанного совершить в отношении кредитора определенные действия, а с другой – определенное благо (материальное либо нематериальное), относительно которого субъекты вступают в правовые отношения[4], детально анализировалась О. С. Иоффе[5], М. М. Агарковым[6] и другими учеными. При этом использование деятельностного подхода к категории «объекты гражданских прав» и объединение в рамках одной категории достигнутых результатов и самого процесса достижения результата не вступают в противоречие с категорией «благо». Не случайно редакция ст. 128 ГК РФ претерпела достаточно многочисленные изменения и дополнения. Ученые продолжают поиски наиболее оптимальной формы изложения правовых норм, чтобы адекватно отразить сущность описываемых правом явлений. Результаты выполнения работ, подлежащие передаче заказчику, и совершение определенных действий или осуществление определенной деятельности в интересах заказчика – это такое же благо, как и другие составляющие категории «объекты гражданских прав».

Использование в качестве ключевого момента в определении понятия «объекты гражданских правоотношений» термина «благо» позволило А. С. Яковлеву сформулировать следующее определение: объект

---

[1] См.: Яковлев А. С. Имущественные права как объекты гражданских правоотношений: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2003. С. 12.

[2] См.: Гражданское право: учебник. В 2 т. Т. 1. / под ред. Б. М. Гонгало. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Статут, 2017. С. 200.

[3] См.: Российское гражданское право: учебник. В 2 т. Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., стер. М.: Статут, 2011. С. 297.

[4] См.: Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. 2-е изд., испр. М.: Статут, 1999. С. 159.

[5] См.: Иоффе О. С. Правоотношения по советскому гражданскому праву. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1949. С. 76.

[6] См.: Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М.: Типография «Известий Советов депутатов трудящихся СССР», 1940. С. 22.

гражданского правоотношения – это благо, способное в силу своей ценности удовлетворять признаваемые правом интересы субъектов гражданского права, по поводу которого субъекты вступают в правоотношение и которое является предметом их поведения[1].

Схожую позицию занимает и С. П. Гришаев, которому удалось сформулировать конформистскую дефиницию категории «объекты гражданских прав», наглядно показывающую суть анализируемого феномена. Указанный автор пишет, что «объектом гражданского правоотношения является то благо, по поводу которого возникает гражданское правоотношение и в отношении которого существует субъективное право и соответствующая ему обязанность»[2]. Фактически, учитывая тождественность категорий «объекты гражданских правоотношений» и «объекты гражданских прав», можно утверждать, что объектами гражданских прав являются те блага, по поводу которых возникают гражданские правоотношения.

В качестве юридически значимых признаков (свойств) объектов гражданских прав, лежащих в основании их отграничения от других явлений юридического мира, В. А. Лапач называет: признак дискретности (физическая или учетная определенность и обособленность от других объектов), признак юридической привязки (нормативная гарантированность правового закрепления объектов за теми или иными субъектами гражданского права, способность того или иного блага быть признанным объектом права по закону), признак системности (интегрированность правовой идеи об объектах прав в систему основных категорий права и системное построение самой категории объектов)[3].

Сформулированный В. А. Лапачем тезис о том, что объектом субъективного права следует считать только такое явление, которое признано позитивным правом в качестве объекта в соответствующей правовой норме[4], достаточно спорен. Сам же названный выше автор признает, что «блага выступают как объекты прав не только в силу

---

[1] См.: Яковлев А. С. Имущественные права как объекты гражданских правоотношений: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2003. С. 8.

[2] Гришаев С. П. Эволюция законодательства об объектах гражданских прав: монография. М., 2015. 249 с. Доступ из информ.-правового портала «Гарант».

[3] См.: Лапач В. А. Система объектов гражданских прав в законодательстве России: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2002. С. 14–15.

[4] Там же. С. 12.

прямого обозначения их в данном качестве по закону, но и, что гораздо существеннее, вследствие того, что именно на них так или иначе направлено поведение субъектов гражданского права, вступающих в отношения друг с другом»[1]. Кроме того, тезис В. А. Лапача о беззащитности «непризнанных» или «вымышленных» прав в силу того, что объем и содержание некоторых благ, фактически используемых в рыночном обороте, но не определенных и не формализованных в нормах права, не отвечает общим принципам гражданского законодательства. Нормы п. 2 ст. 1 ГК РФ устанавливают, что физические и юридические лица свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых, не противоречащих законодательству условий договора. Общедозволительный тип правового регулирования, характерный именно для гражданского права, принцип «разрешено все, что не запрещено»[2], способствуют развитию экономического оборота, появлению новых объектов, относительно которых устанавливается взаимодействие субъектов права (если такое взаимодействие не противоречит основам конституционного строя, нравственности, вопросам защиты здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства[3]). Именно поэтому неназванные конкретными нормами права объекты законного взаимодействия субъектов (непоименованные объекты) не могут отрицаться в качестве объектов гражданского права.

Возможно, из этих соображений в рамках исследования, проведенного через семь лет после опубликования В. А. Лапачем основных положений своей докторской диссертации на тему «Система объектов гражданских прав в законодательстве России», А. Б. Арзуманян скорректировала систему признаков объектов гражданских прав. В качестве таковых признаков (свойств) она называет: признак дискретности (позиция названного автора в данном случае совпадает с подходом, демонстрируемым В. А. Лапачем); признак нормативной гарантированности возможности правового закрепления объектов

[1] Лапач В. А. Система объектов гражданских прав в законодательстве России: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2002. С. 5.

[2] См.: Кузьмина Е. М. Типы правового регулирования: современное измерение // Вестник ПАГС. 2013. № 6 (39). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tipy-pravovogo-regulirovaniya-sovremennoe-izmerenie (дата обращения: 30.07.2022).

[3] См.: ст. 1 ГК РФ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

гражданских прав за конкретными субъектами гражданского права; признак правообъектности (сутью которого, по мнению А. Б. Арзуманян, является признание тех или иных явлений объектами гражданских прав в соответствии с нормами закона[1]).

Правовой анализ легального определения термина «цифровые финансовые активы», сформулированного российским законодателем в законе о ЦФА с позиций признаков объектов гражданских прав, обозначенных В. А. Лапачем и А. Б. Арзуманян, и современного гражданского законодательства России, не позволяет сомневаться, что ЦФА, позиционируемые как цифровые права (т. е. права имущественные), – это объекты гражданских прав. Бесспорно, что ЦФА подлежат персонифицированному учету, о чем совершенно определенно указано в п. 2 ст. 1 закона о ЦФА (соответствие признаку дискретности). В пункте 1 ст. 2 закона о ЦФА прописано, что «права, удостоверенные цифровыми финансовыми активами, возникают у их первого обладателя с момента внесения в информационную систему, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, записи о зачислении цифровых активов указанному лицу» (соответствие второму признаку категории «объекты гражданских прав», обозначенному А. Б. Арзуманян). О том, что ЦФА названы цифровыми правами (а следовательно, и объектами гражданских прав), прямо сказано в самом начале п. 2 ст. 1 закона о ЦФА.

Классифицируя объекты гражданских прав в зависимости от специфики правового режима, общепринято выделять следующие группы: 1) вещи и иное имущество; 2) результаты выполнения работ и оказание услуг; 3) интеллектуальная собственность; 4) нематериальные блага[2].

Казалось бы, что такая классификация объектов гражданских прав достаточно стройна и оправданна. К первой группе объектов гражданских прав законодатель относит имущество, среди которого

---

[1] См.: Объекты гражданских правоотношений: коллективная монография / [Арзуманян А. Б. и др.]. Невинномысск: Невинномысский гос. гуманитарно-технический ин-т; Ставрополь: Изд-во Северо-Кавказского гос. техн. ун-та, 2009. С. 10.

[2] См.: Объекты гражданских прав: учеб. пособие для бакалавриата, специалитета, магистратуры / авт. кол.: И. В. Балтутите, А. И. Гончаров, Д. Н. Давтян-Давыдова [и др.]; под ред. проф. А. О. Иншаковой, проф. А. И. Гончарова. Волгоград: ВолГУ, 2018. С. 58–59.

на первое место выдвигает категорию «вещи». С позиций гражданского права вещи – это материальные, физически осязаемые объекты, имеющие экономическую форму товара[1].

Что же касается категории «иное имущество» с позиций объекта гражданских прав, то законодатель в этом направлении ограничивается лишь ссылкой на категорию «имущественные права», к которой в соответствии с нормами ст. 128 ГК РФ относит безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги и *цифровые права*. На этом законодательный перечень элементов, составляющих понятие «имущество» в рамках ст. 128 ГК РФ, закрыт. Однако если обратиться к нормам ст. 1112 ГК РФ, определяющим состав наследства, то можно увидеть формулу, в соответствии с которой в состав наследства входят принадлежащие наследодателю на день открытия наследства «вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности». Это позволяет А. О. Иншаковой и А. Н. Садкову говорить о долгах как о пассивной составляющей категории «имущество»[2].

Современный российский законодатель достаточно четко установил место ЦФА в системе объектов гражданских прав. Нормы п. 2 ст. 1 закона о ЦФА определяют, что ЦФА – это определенный сегмент цифровых прав, а нормы ст. 141.1 ГК РФ устанавливают, что цифровые права – это некоторые обязательственные и иные права, которые в соответствии со ст. 128 ГК РФ являются составляющими категории «имущественные права».

Буквальное толкование указанных выше законодательных норм позволяет сделать вывод, что ЦФА – это некие ранее неизвестные науке и практике имущественные права, которые должны отграничиваться от иных имущественных прав.

---

[1] См.: Российское гражданское право: учебник. В 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / под ред. Е. А. Суханова. 2-е изд., стер. М.: Статут, 2011. С. 303.

[2] См.: Объекты гражданских прав: учеб. пособие для бакалавриата, специалитета, магистратуры / авт. коллектив: И. В. Балтутите, А. И. Гончаров, Д. Н. Давтян-Давыдова [и др.]; под ред. проф. А. О. Иншаковой, проф. А. И. Гончарова. Волгоград: ВолГУ, 2018. С. 59.

Хотя российский законодатель не дает легального определения термину «имущественные права», однако он активно использует его при установлении правил, регламентирующих хозяйственный оборот, при этом имущественное право отождествляется с категорией «требование». Об имущественных правах говорится в п. 4 ст. 454 ГК РФ, где установлено, что к продаже имущественных прав (в том числе цифровых прав) применяются общие правила главы 30 ГК РФ, касающиеся купли-продажи, если иное не вытекает из содержания или характера имущественных прав. В соответствии с п. 1 ст. 572 ГК РФ имущественное право может выступать в качестве предмета договора дарения.

Исследуя категорию «имущественные права», А. С. Яковлев полагает, что в данном случае следует говорить о субъективных гражданских правах, выступающих средством реализации имущественного интереса, имеющих денежную оценку, не присущих субъекту изначально в силу самого факта их существования и обладающих признаком отчуждаемости[1]. В целом, признавая обоснованность такого утверждения, его нужно скорректировать с учетом понимания субъективного гражданского права, демонстрируемого П. М. Филипповым и А. Ю. Белоножкиным[2].

Н. В. Кагальницкова полагает, что имущественные права, хотя и не обладают материальной, физической формой, однако характеризуются материальным содержанием, позволяющим удовлетворить интересы субъектов гражданских правоотношений. При этом имущественное право нельзя вручить, сдать перевозчику или органам связи для отправки, истребовать, уничтожить. По мнению Н. В. Кагальницковой, имущественное право, являясь самостоятельным объектом гражданских прав, приравнивается к праву требования, возникающему в рамках гражданско-правовых обязательств[3]. Конституционный

---

[1] См.: Яковлев А. С. Имущественные права как объекты гражданских правоотношений: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2003. С. 9.

[2] См.: Филиппов П. М., Белоножкин А. Ю. Новое определение субъективного гражданского права и злоупотребление им. Волгоград: ВА МВД России, 2009. С. 74.

[3] См.: Объекты гражданских прав: учеб. пособие для бакалавриата, специалитета, магистратуры / авт. кол.: И. В. Балтутите, А. И. Гончаров, Д. Н. Давтян-Давыдова [и др.]; под ред. проф. А. О. Иншаковой, проф. А. И. Гончарова. Волгоград: ВолГУ, 2018. С. 208–209.

Суд Российской Федерации рассматривает категорию «имущественные права» как права требования[1].

Л. А. Новоселова, исследуя специфику имущественных прав, указывает, что передача таких прав допустима только по конструкции цессии, поскольку их физическая передача невозможна[2]. Президиум Высшего арбитражного суда Российской Федерации отмечает, что возникновение имущественного права обусловлено имуществом, которое имеет определенную ценность и выражено во вне в виде индивидуально-определенной вещи либо в виде действий[3]. По мнению Н. В. Кагальницковой, «наличие у объекта права – требования – имущественной ценности делает обязательственное право субъекта явлением той же природы, что и вещное право: придает ему имущественный характер»[4]. Однако категория «имущественное право» не может сводиться только к вещным правам и к обязательственным правам. В настоящее время стало общепризнанным понимание того, что в рамках отношений по использованию результатов интеллектуальной деятельности также возникают требования, которые по своей природе следует рассматривать как имущественные права.

Нормы ст. 1226 ГК РФ четко определяют, что исключительное право, являясь сегментом интеллектуальных прав, трактуются как право имущественное. К категории имущественных интеллектуальных прав относят право следования, обозначенное в качестве само-

---

[1] См.: По делу о проверке конституционности статьи 2 Федерального закона о внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О налоге на прибыль предприятий и организаций» в связи с жалобой ОАО Энергомашбанк»: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 октября 1999 г. № 14-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 45. Ст. 5478.

[2] См.: Новоселова Л. А. Соотношение сделки уступки и договора, на основании которого она совершается // Арбитражная практика. 2001. Специальный выпуск. С. 8–15.

[3] См.: Постановление Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 26 октября 1995 г. № 5308/95 // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. 1995. № 4. URL: http://sudbiblioteka.ru/as/text1/vassud_big_474.htm (дата обращения: 05.09.2022).

[4] Объекты гражданских прав: учеб. пособие для бакалавриата, специалитета, магистратуры / авт. кол.: И. В. Балтутите, А. И. Гончаров, Д. Н. Давтян-Давыдова [и др.]; под ред. проф. А. О. Иншаковой, проф. А. И. Гончарова. Волгоград: ВолГУ, 2018. С. 210.

стоятельной правовой категории в нормах ст. 1226 ГК РФ. Имущественный характер права следования определяется нормами ст. 1293 ГК РФ.

Учитывая сказанное выше, А. С. Яковлев предложил вещные, обязательственные и исключительные права считать подкатегориями имущественных прав, корпоративные права – рассматривать в качестве сегмента обязательственных прав[1].

Утверждение А. С. Яковлева о необходимости рассмотрения корпоративных прав в качестве подкатегории обязательственных прав достаточно спорно. Например, А. А. Кулик исследует корпоративные правоотношения в качестве самостоятельной группы гражданских правоотношений наряду с вещными, обязательственными и исключительными, что обусловлено анализом юридической природы, направленности, специфики объектов и содержания корпоративных правоотношений[2]. Однако отнесение всего сегмента корпоративных прав к категории «имущественные права» следует признать некорректным.

Категория «корпоративные права» строится на имущественном фундаменте. Однако корпоративные права – это не какое-то одно право, а целая совокупность прав, среди которых сам же А. А. Кулик выделяет шесть составляющих, как-то: 1) право на участие в управлении хозяйственным обществом; 2) право на получение информации о деятельности хозяйственного общества; 3) право на участие в распределении прибыли (право на получение дивидендов); 4) право на ликвидационную квоту; 5) право хозяйственного общества на получение вкладов от его участников; 6) право хозяйственного общества на неразглашение его конфиденциальной информации[3]. Но предложенная А. А. Куликом классификация корпоративных прав не в полной мере соответствует законодательному подходу, продемонстрированному в нормах ст. 65.2 ГК РФ. Законодатель, регламентируя правовые отношения в корпорациях, прежде всего, говорит об управленческих отношениях, называя в качестве основных корпоратив-

[1] См.: Яковлев А. С. Имущественные права как объекты гражданских правоотношений: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2003. С. 9.

[2] См.: Кулик А. А. Корпоративные права в системе гражданских прав: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2009. С. 9.

[3] Там же. С. 21–29.

ных прав: право участия в управлении корпорацией; право получать информацию о деятельности корпорации и знакомиться с ее бухгалтерской и иной документацией; право обжаловать решения корпоративных органов, влекущие гражданско-правовые последствия; право требовать, действуя от имени корпорации, возмещения причиненных корпорации убытков; право оспаривать, действуя от имени корпорации, совершенные ею сделки по основаниям, предусмотренным в ст. 174 ГК РФ, и указывает, что участники корпорации «могут иметь и другие права, предусмотренные законом или учредительным документом корпорации»[1].

Это абсолютно обоснованно, так как помимо корпораций, в которых участники (члены) имеют имущественные права в отношении корпорации, есть и такие, прежде всего, некоммерческие корпорации, где члены корпорации имущественными правами в отношении нее не располагают[2].

Если имущественная природа права на получение дивидендов, права на ликвидационную квоту и права хозяйственного общества на получение вкладов от его участников не вызывает сомнений, то право на участие в управлении хозяйственным обществом, право на получение информации о деятельности хозяйственного общества и право хозяйственного общества требовать от участников этого общества неразглашения информации о его деятельности, носящей конфиденциальный характер, хотя и тесно связаны с результатами хозяйственной деятельности корпорации, однако не могут считаться имущественными правами в силу объективных причин. Именно поэтому И. С. Шиткина, проводя классификацию корпоративных прав участников хозяйственных обществ, предлагает рассматривать в качестве достаточно самостоятельных сегментов корпоративных прав неимущественные (организационно-управленческие) корпоративные права, имущественные корпоративные права и преимущественные корпоративные права.

По мнению И. С. Шиткиной, к имущественным корпоративным правам участников хозяйственных обществ нужно относить: право на участие в распределении прибыли (право на дивиденды); право

[1] Пункт 1 ст. 65.2 ГК РФ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] К таким организациям следует отнести, прежде всего, общественные организации, общественные движения, казачьи общества, нотариальные палаты.

на получение части имущества общества при его ликвидации (право ликвидационной квоты)[1]; к неимущественным (организационно-управленческим) правам – права, связанные с участием в управлении делами общества; права, связанные с осуществлением контроля за деятельностью органов управления общества и финансово-хозяйственным состоянием общества; права на получение информации о деятельности общества; к преимущественным правам – преимущественное право участника ООО на приобретение долей участия в ООО, отчуждаемых участниками в пользу третьих лиц, установленное ст. 21 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»[2] (далее – закон об ООО); преимущественное право акционера на приобретение акций непубличного акционерного общества, отчуждаемых в пользу третьих лиц, установленное пп. 3, 4 ст. 7 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»[3] (далее – закон об АО); преимущественное право акционера на покупку дополнительно выпускаемых акций (эмиссионных ценных бумаг, конвертируемых в акции), установленное пп. 7 п. 3 ст. 66.3, п. 3 ст. 100 ГК РФ и ст. 40 закона об АО[4].

Помимо указанного выше, участники ООО в соответствии с п. 2 ст. 8 закона об ООО могут наделяться дополнительными корпоративными правами как имущественного, так и неимущественного характера. Возможность предоставления дополнительных прав участникам конкретного ООО должна быть прописана в уставе этого общества. Установленные уставом конкретного ООО дополнительные корпоративные права носят персонифицированный характер и не передаются другим лицам при отчуждении участником своей доли.

Таким образом, имущественные права – это требования, имеющие денежную оценку, которые могут отчуждаться участниками граждан-

---

[1] См.: Шиткина И. С. Корпоративное право в таблицах и схемах. М.: Юстицинформ, 2017. С. 232–233, 245.

[2] См.: Об обществах с ограниченной ответственностью: федер. закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 7. Ст. 785.

[3] См.: Об акционерных обществах: федер. закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 1.

[4] См.: Шиткина И. С. Указ. соч. С. 235–244, 253–261.

ского оборота и по своей правовой природе относиться к вещным, обязательственным, исключительным правам (в части права следования), к корпоративным правам (в части права на дивиденды, права на ликвидационную квоту, права корпорации на получение вкладов от участников).

Убедившись в том, что ЦФА – разновидность имущественных прав, можно выяснить, являются ли права, относимые российским законодателем к категории «цифровые финансовые активы», какой-либо новой эксклюзивной правовой конструкцией, ранее незнакомой российскому гражданскому праву, либо это уже известные российскому праву имущественные права, зафиксированные посредством оригинальных технологических решений, имеющих значение в рамках процедур, опосредующих передачу этих прав от одного лица другому.

В соответствии с нормами п. 2 ст. 1 закона о ЦФА в качестве подвидов ЦФА рассматриваются: денежные требования; возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам; права участия в капитале непубличного акционерного общества; право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов.

Сутью денежных требований как подвида ЦФА становится требование о передаче денег в наличной и безналичной форме, предъявляемое, как правило, в рамках обязательственных отношений. Нормы ст. 307 ГК РФ определяют, что обязанность должника уплатить кредитору деньги, наряду с обязанностью передать имущество, выполнить работу, оказать услугу, внести вклад в совместную деятельность и пр. есть существо обязательственного правоотношения. Именно поэтому возникает иллюзия, что правовая категория «денежные требования» тождественна категории «денежные обязательства». Однако это не так.

Легальное определение категории «денежное обязательство» в ГК РФ отсутствует, хотя в законодательстве данный термин активно используется[1]. Традиционно денежные обязательства рассматрива-

[1] Например, ст. 317 ГК РФ называется «Валюта денежных обязательств», ст. 317.1 ГК РФ называется «Проценты по денежному обязательству», ст. 395 ГК РФ называется «Ответственность за неисполнение денежного обязательства» и пр.

ются в широком и узком значении. В широком смысле денежное обязательство – это любое обязательство, связанное с передачей определенной денежной суммы[1]. В узком понимании термина «денежное обязательство» во главу угла ставится цель передачи денежных средств, а именно их направленность на погашение денежного долга[2]. Согласно постановлению Пленумов Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 8 октября 1998 г. № 13/14 денежное обязательство рассматривается как обязательство, «в силу которого на должника возлагается обязанность уплатить деньги», используемые «в качестве средства платежа, средства погашения денежного долга»[3]. Как отмечает О. П. Казаченок, предмет указанной категории образуют действия по уплате денег как в наличной, так и безналичной форме[4].

Денежные требования могут возникать не только из обязательств, но и из наследственных отношений[5], решения суда[6], в рамках нало-

---

[1] См.: Иоффе О. С. Избранные труды: в 4 т. Обязательственное право. Т. 3. СПб., 2004. С. 134; Белов В. А. Денежные обязательства. М., 2001. С. 14.

[2] См.: Новоселова Л. А. Проценты по денежным обязательствам. М., 2003. С. 24; Тирская Е. В. Категория денежного долга в гражданском праве России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 30–32; Бакуева М. Г. Исполнение денежных обязательств по российскому гражданскому праву: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2005. С. 36–37.

[3] О практике применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о процентах за пользование чужими денежными средствами: постановление Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 8 октября 1998 г. № 13/14 (в ред. Постановления от 4 декабря 2000 г. Пленума ВАС РФ № 34 и Пленума ВАС РФ № 15) // Российская газета от 27 октября 1998 г. № 204.

[4] См.: Казаченок О. П. Понятие денежного обязательства в гражданском и международном частном праве // Евразийская адвокатура. 2017. № 2 (27). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-denezhnogo-obyazatelstva-v-grazhdanskom-i-mezhdunarodnom-chastnom-prave (дата обращения: 03.02.2023).

[5] Например, при разделе наследства в порядке ст. 1165 ГК РФ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[6] Например, в порядке пп. 3 п. 1 ст. 8 ГК РФ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

говых[1], таможенных[2], семейных[3], трудовых[4] отношений, а также в рамках ответственности за нарушение административного[5] и уголовного законодательства[6].

Следует учитывать, что нормы закона о ЦФА распространяются только на такие денежные требования, которые относятся к категории гражданско-правовых, так как в п. 2 ст. 1 названного выше закона четко указывается, что в качестве ЦФА признаются только определенные цифровые права, которые в соответствии с нормами ст. 128 ГК РФ являются подвидом объектов гражданских прав.

Денежные требования, возникающие в рамках гражданско-правовых отношений, фиксируются в различных договорах[7], а также посредством использования конструкций документарных и бездокументарных ценных бумаг[8] (некоторые авторы выделяют денежные ценные бумаги в качестве одной из разновидностей ценных бумаг[9]).

---

[1] См.: Налоговый кодекс Российской Федерации (часть I) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 августа 1998 г. № 31. Ст. 3824; Налоговый кодекс Российской Федерации (часть II) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (с послед. изм. и доп.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] См.: Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019) (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] См.: Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.

[4] См.: Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (часть I). Ст. 3.

[5] См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (часть I). Ст. 1.

[6] См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25. Ст. 2954.

[7] В качестве договоров, содержащих условие о передаче денег, следует отметить: договор купли-продажи, договор дарения, договор займа, кредитный договор, договор финансирования под уступку денежного требования, договор об отчуждении исключительного права на произведение, договор авторского заказа, договор об отчуждении исключительного права на изобретение, полезную модель или промышленный образец и пр.

[8] См.: О рынке ценных бумаг: федер. закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[9] См.: Асаул А. Н., Севек В. К., Севек Р. М. Рынок ценных бумаг: учебник. Кызыл: ТывГУ, 2013. С. 23.

Говоря о денежных требованиях, выступающих в качестве разновидности ЦФА, нужно обращать внимание на то, что, учитывая имеющую принципиальное значение оборотоспособность ЦФА, в качестве таких требований не могут рассматриваться денежные требования, неразрывно связанные с личностью (например, требования об алиментах, о возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью). Руководствуясь нормами п. 2 ст. 388 ГК РФ, если денежные требования первоначально возникли в рамках обязательства, в котором личность кредитора имеет существенное значение для должника, то такое денежное требование конвертируется в ЦФА только при согласии должника[1].

Некоторые денежные требования, являющиеся производными от других обязательств, по своей природе не могут выступать в качестве ЦФА. Верховный Суд Российской Федерации обращает внимание, что, по общему правилу, установленному нормами п. 2 ст. 372 ГК РФ, уступка прав бенефициара по независимой гарантии без одновременной уступки тому же лицу прав по основному обязательству должна признаваться ничтожной[2].

Системный анализ норм ст. 826 ГК РФ, регламентирующей факторинговые отношения, позволяет сделать вывод о том, что денежные требования, относимые российским законодателем к категории ЦФА, могут основываться как на существующем обязательстве, так и на обязательстве, которое возникнет в будущем (на основании будущего требования). С. В. Перченко и А. Д. Мкртчян рассматривают будущее требование как требование по еще не возникшим обязательствам. Указанные авторы отмечают, что уступка будущих требований широко применяется на практике в рамках таких современных финансовых операций, как секьюритизация активов и дисконтирования счетов[3].

---

[1] Наиболее яркими примерами обязательств, в которых личность кредитора имеет существенное значение для должника, являются: обязательство из договора простого товарищества (гл. 55 ГК РФ) и обязательство из договора относительно дарения имущественного права в будущем (ст. 572 ГК РФ).

[2] См.: О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки: п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 г. № 54 // Российская газета от 29 декабря 2017 г. № 297.

[3] См.: Перченко С. В., Мкртчян А. Д. Уступка будущего права (требования) // Modern science. 2019. № 10-3. С. 209.

В качестве наглядного примера будущего требования можно привести требование подрядчика об оплате выполненных работ, которое возникает с момента принятия результатов выполненных работ заказчиком, а также требование об оплате покупателем товара, который будет создан или приобретен продавцом в будущем. Если в начале XXI века суды отказывали в признании правомерности уступки будущего требования, ссылаясь на то, что право может быть передано только по уже существующему обязательству[1], то с введением в ГК РФ ст. 388.1 уступка будущего требования стала возможной. Российский законодатель установил, что, по общему правилу, зафиксированному в п. 2 ст. 388.1 ГК РФ, будущее требование переходит к цессионарию с момента его возникновения, хотя соглашением сторон может предусматриваться, что будущее требование переходит позднее. Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации, анализируя определение № 305-ЭС16-8204, обращает внимание, что момент перехода будущего требования от цедента к цессионарию имеет важное значение для разрешения юридических споров[2].

Важным с позиций анализа правового регулирования общественных отношений, возникающих относительно ЦФА, является рассмотрение вопроса, касающегося использования механизма конвертации денежных требований к должнику-банкроту в цифровые финансовые активы при открытии в отношении такого должника конкурсного производства.

Нормы п. 1 ст. 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ[3] (далее – закон о банкротстве) определяют, что с даты принятия арбитражным судом решения о признании должника банкротом и об открытии конкурсного

---

[1] См.: Постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 28 января 2005 г. по делу № А33-1285/04-С2-Ф02-5901/04-С2. URL: https://sudrf.cntd.ru/rospravo/document/810055401 (дата обращения: 05.12.2022).

[2] См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2016) (утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 20 декабря 2016 г.). URL: https://www.vsrf.ru/documents/practice/15184/ (дата обращения: 03.02.2023).

[3] См.: О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.

производства происходит трансформация требований кредиторов по неденежным обязательствам имущественного характера (требования о передаче имущества в собственность, требования о выполнении работ и оказании услуг) в денежные требования. Высший Арбитражный Суд Российской Федерации 22 июня 2012 г. обратил внимание правоприменителей на то, что для соответствующего удовлетворения названных выше требований кредиторов по неденежным обязательствам имущественного характера такие требования подлежат денежной оценке, сумма которой указывается в соответствующем реестре[1]. Порядок рассмотрения этих требований определяется нормами ст. 100 закона о банкротстве, а их удовлетворение осуществляется в общем порядке, установленном ст. 134 и 142 названного закона.

Денежные требования, предъявляемые к должнику-банкроту, учтенные в реестре требований кредиторов в целях конкурсного производства, не могут выпускаться в виде ЦФА, поскольку это противоречит самой идее существования ЦФА как оборотоспособного привлекательного инвестиционного инструмента. Действительно, такие денежные требования не могут выступать в качестве предмета договора купли-продажи и обмена. Учет этих требований нужен, прежде всего, для правильного их удовлетворения за счет реализованного в ходе конкурсного производства имущества должника, признанного банкротом.

Преимущества конвертации денежных требований в ЦФА наглядно представлены в презентации «Платформа онлайн-факторинга и ЦФА на Мастерчейн», подготовленной Центральным банком России во взаимодействии с Ассоциацией ФинТех[2], где ЦФА рассмотрены в качестве нового способа организации возвратного финансового отношения. Данная презентация размещена на официальном сайте Центрального банка России и опубликована в процессе проведения 28 апреля 2021 г. вебинара Банка России по теме «Факторинг как

---

[1] См.: О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве: п. 34 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 июня 2012 г. № 35 (с изм. и доп.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2012. № 8.

[2] См.: Платформа онлайн-факторинга и ЦФА на Мастерчейн. URL: https://cbr.ru/StaticHtml/File/118710/Anatoliy_Konkin_AFT.pdf (дата обращения: 23.04.2023).

современный инструмент пополнения оборотных средств компаний малого и среднего предпринимательства»[1].

Разработчики Платформы онлайн-факторинга и ЦФА на Мастерчейн убедительно показывают преимущества использования технологии ЦФА для бизнеса. Суть этих преимуществ заключается в том, что при необходимости пополнения оборотных средств поставщик конвертирует свои денежные требования к покупателям в ЦФА и размещает такие ЦФА на платформе оператора обмена ЦФА в той или иной информационной системе. Фактор (финансовый агент), в качестве которого выступает коммерческая организация, приобретает денежные требования поставщика (клиента) к лицу, который выступает покупателем по договору поставки, заключенному с указанным клиентом, и осуществляет перевод денежных средств на счет поставщика после регистрации перехода требований от поставщика-клиента к фактору.

Автоматизация процессов регистрации перехода требований, прозрачность и обоснованность денежных требований, лежащих в основе выпущенных ЦФА, подтвержденная оператором информационной системы, в которой осуществляется выпуск таких ЦФА, построение такой информационной системы на основе распределенного реестра, пятилетний срок хранения информации о сделках с ЦФА (п. 4 ст. 6 закона о ЦФА), контроль Банка России за деятельностью операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск ЦФА, позволяют сделать процесс инвестирования и пополнения оборотных средств доступным, безопасным, быстрым, и, что немаловажно, менее затратным за счет снижения количества посредников.

Анализируя правовую природу следующего подвида ЦФА «возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам», следует отметить, что в соответствии с нормами п. 1 ст. 12 закона о ЦФА обладатель таких ЦФА получает право требовать от лица, обязанного по данным ЦФА, реализации через оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск ЦФА, прав по эмиссионным ценным бумагам, предусмотренных решением о выпуске эмиссионных ценных бумаг.

---

[1] См.: Анатолий Конкин о платформе онлайн-факторинга и ЦФА на Мастерчейн. Вебинар Банка России (fintechru.org). URL: https://www.fintechru.org/publications/anatoliy-konkin-o-platforme-onlayn-faktoringa-i-tsfa-na-mastercheyn-vebinar-banka-rossii/ (дата обращения: 24.04.2023).

Нормами ст. 2 закона о рынке ценных бумаг установлено, что к эмиссионным ценным бумагам относятся акции, облигации, опционы эмитента и российские депозитарные расписки. Акции как эмиссионные ценные бумаги закрепляют права их владельца (акционера) на получение части прибыли АО в виде дивидендов и на часть имущества, остающегося после его ликвидации[1]. Кроме того, акционер в зависимости от количества и вида акций участвует в управлении делами АО[2].

Облигации как эмиссионные ценные бумаги закрепляют права их владельца на получение от эмитента облигации в предусмотренный в ней срок ее номинальной стоимости (облигации с денежным покрытием) или определенного имущественного эквивалента (облигации с имущественным покрытием). Облигация может также предусматривать право ее владельца на получение фиксированного в ней процента от номинальной стоимости облигации либо иные имущественные права. Доходом по облигации являются процент и/или дисконт[3].

Опцион эмитента как эмиссионная ценная бумага закрепляет право ее владельца на покупку в предусмотренный таким опционом срок или при наступлении указанных в опционе обстоятельств определенного количества акций лица, выпустившего опцион эмитента по той цене, которая в этом опционе зафиксирована[4].

Современный российский законодатель определяет, что российская депозитарная расписка – это такая эмиссионная ценная бумага, которая не имеет номинальной стоимости, но удостоверяет право собственности на определенное количество представляемых ценных бумаг (акций или облигаций иностранного эмитента либо ценных бумаг иного иностранного эмитента, удостоверяющих права в отношении акций или облигаций иностранного эмитента) и закрепляет право ее владельца требовать от эмитента российских депозитарных расписок получения взамен российской депозитарной расписки

---

[1] См.: О рынке ценных бумаг: ст. 2 федер. закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] См.: Об акционерных обществах: ст. 31, 32 федер. закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] См.: О рынке ценных бумаг: ст. 2 федер. закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] Там же.

соответствующего количества представляемых ценных бумаг и оказания услуг, связанных с осуществлением владельцем российской депозитарной расписки прав, закрепленных представляемыми ценными бумагами. В случае если эмитент представляемых ценных бумаг принимает на себя обязательства перед владельцем российской депозитарной расписки, то указанная ценная бумага удостоверяет также право ее владельца требовать надлежащего выполнения этих обязанностей[1].

Каких-либо новых имущественных прав, помимо тех, что уже были закреплены в нормах российского законодательства, ЦФА не фиксируют. Наименование и содержание ст. 12 закона о ЦФА подтверждают, что цифровые финансовые активы – это способ удостоверения возможности осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам и право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, т. е. специфическая правовая конструкция, позволяющая фиксировать принадлежность определенных имущественных прав конкретным правообладателям.

В качестве особенностей осуществления прав по эмиссионным бумагам, удостоверяемым посредством использования конструкции ЦФА, нормы ст. 12 закона о ЦФА предоставляют юридические возможности обладателю таких прав требовать от обязанного лица совершения должных действий, определяющих сущность прав, отраженных в эмиссионных ценных бумагах. Такие требования реализуются через оператора информационной системы, в которой осуществлен выпуск соответствующих ЦФА. Законодатель уточняет, что права, удостоверенные посредством конструкции ЦФА применительно к акциям и эмиссионным ценным бумагам, конвертируемым в акции, применяются только к отношениям, касающимся непубличных АО, а сами эмиссионные ценные бумаги должны учитываться на лицевом счете (счете депо) ЦФА, открытом субъекту права, использующему конструкцию ЦФА для удостоверения соответствующих прав и осуществляющему соответствующие права.

Современный российский законодатель не приводит аргументов, позволяющих объяснить ограничение применения технологии удостоверения прав посредством использования конструкции ЦФА

[1] См.: О рынке ценных бумаг: ст. 2 федер. закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

к акциям публичного АО и эмиссионным ценным бумагам, конвертируемым в такие акции. Можно только предположить, что это обусловлено отсутствием соответствующей правоприменительной практики и опасениями о потенциально возможном недобросовестном использовании открывающихся возможностей в рамках взаимодействия с неквалифицированными инвесторами, среди которых достаточно лиц в качестве инвесторов, участвующих в деятельности публичных АО или желающих принять такое участие.

Возможно, со временем необходимость ограничения использования ЦФА как способа фиксации прав участников публичного АО отпадет и данные нормы права будут откорректированы по направлению включения акций публичного АО и эмиссионных ценных бумаг, конвертируемых в такие акции, в сферу отношений, регулируемых законодательством о ЦФА.

Права участия в капитале непубличного акционерного общества рассматриваются современным российским законодателем в качестве третьего подвида ЦФА. В соответствии с нормами действующего российского законодательства возможность выпуска ЦФА, удостоверяющих права участия в капитале публичного АО, не предусмотрена. Регистрация выпусков акций непубличного АО посредством внесения записей в информационную систему на основе распределенного реестра осуществляется оператором информационной системы в соответствии с утвержденными им Правилами информационной системы.

Права участия в капитале непубличного АО являются разновидностью акционерных прав, удостоверяемых акциями. Каких-либо новых акционерных прав, ранее неизвестных российской правовой системе, при фиксации участия лица в капитале непубличного АО посредством осуществления записей в информационной системе на основе распределенного реестра[1] не появляется. Однако оперативность оборота акций, выпущенных в виде ЦФА, значительно повышается, чему способствует использование технологии распределенного реестра, доступность сведений, скорость обмена информации.

[1] Другими словами, при цифровой форме фиксации прав акционера в информационной системе, функционирующей на основе технологии распределенного реестра.

Нормы ст. 13 закона о ЦФА устанавливают ряд специальных требований, обязательных к исполнению непубличными АО, выпустившими акции в виде ЦФА: во-первых, до выпуска таких акций АО не должно эмитировать акции в другом виде; во-вторых, учет прав на акции, выпущенные в виде ЦФА, осуществляется не регистратором, а оператором информационной системы, в которой был осуществлен выпуск ЦФА, при этом данный оператор должен иметь лицензию профессионального участника рынка ценных бумаг на осуществление деятельности по ведению реестра[1].

При эмиссии акций непубличного АО, выпущенных в виде ЦФА, регистрация выпусков таких акций осуществляется оператором информационной системы в соответствии с действующими для этой системы правилами, а государственная регистрация таких выпусков не совершается. Кроме того, в решении о выпуске акций в виде ЦФА необходимо предусмотреть учет указанных акций в информационной системе, в которой реализовывается данный выпуск, а также дать информацию о рисках, связанных с приобретением акций, выпущенных в виде ЦФА в данном конкретном случае. Локальные нормы, касающиеся учета акций, выпущенных в виде ЦФА в информационной системе, в которой осуществляется выпуск таких акций, должны быть закреплены в уставе АО. В уставе АО также могут определяться способы созыва и проведения общего собрания акционеров и способы их уведомления об осуществлении соответствующих корпоративных действий, предусмотренных правилами информационной системы, в которой осуществлен выпуск акций в виде ЦФА. Законодатель устанавливает, что возможность выпуска акций непубличного АО в виде ЦФА должна быть предусмотрена уставом общества при его учреждении, и запрещает последующую реорганизацию непубличного АО, выпустившего акции в виде ЦФА, в публичное. Непубличному АО, выпустившему акции в виде ЦФА, запрещается осуществлять выпуск эмиссионных ценных бумаг в какой-либо другой форме, отличной от ЦФА, ему нельзя использовать механизмы конвертации акций, выпущенных в виде ЦФА, в акции другого типа.

[1] См.: Глазунов Д., Ушаков О. О цифровых финансовых активах. URL: https://LegalAlert_ФЗоЦифровыхфинансовыхактивах_03082020г.docx.pdf(epam.ru) (дата обращения: 05.03.2023).

Следует отметить, что все особенности, касающиеся выпуска акций в виде ЦФА, не изменяют суть прав, зафиксированных такими акциями, а касаются только формы фиксации таких прав.

Владелец акций, выпущенных в виде ЦФА, участвует в капитале непубличного АО путем внесения имущества, подлежащего денежностоимостной оценке, в уставной капитал такого общества. Зная долю (процент) участия конкретного акционера (участника) в уставном капитале, легко определить его влияние на принятие решений при проведении общего собрания акционеров (участников) и размер причитающегося ему дохода из прибыли общества, так как количество голосов и размер дохода такого акционера соответствует проценту его участия в уставном капитале АО[1]. Оплата акций, распределяемых среди учредителей АО при его учреждении, а также дополнительных акций, размещаемых посредством подписки, может осуществляться деньгами, ценными бумагами, вещами или имущественными правами, либо иными правами, имеющими денежную оценку. Форма оплаты акций общества при его учреждении определяется договором о создании общества, а дополнительных акций – решением об их размещении. В соответствии с нормами п. 2 ст. 34 закона об АО оплата иных эмиссионных ценных бумаг осуществляется только деньгами. В уставе АО могут устанавливаться ограничения на виды имущества, которым могут быть оплачены акции общества.

В соответствии с нормами п. 2 ст. 1 закона о ЦФА в качестве четвертого подвида цифровых финансовых активов российский законодатель называет «право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов».

Буквальное прочтение данной нормы закона позволяет сделать вывод о том, что и в этом случае о каких-либо новых феноменах, ранее неизвестных доктринам гражданского и предпринимательского права, речь не идет. Суть данной нормы заключается в том, что правообладатель может требовать передачи ему ценных бумаг, предусмотренных решением о выпуске ЦФА, в течение срока или

[1] См.: Чернявская О. В. Доля в уставном капитале и вклад как важнейшие составляющие уставного капитала закрытого акционерного общества // Вестник магистратуры. 2015. № 11 (50). Т. 4. С. 52–55.

при наступлении события, предусмотренных таким решением. Это требование адресуется лицу, обязанному выполнить действия, определяющие имущественную значимость эмиссионных ценных бумаг, выпущенных в виде ЦФА[1].

Департамент государственной службы и кадров МВД России обращает внимание, что права, удостоверенные при помощи юридической конструкции ЦФА, могут комбинироваться с утилитарными цифровыми правами, удостоверяющими требования, касающиеся нефинансовых активов (вещи, интеллектуальная собственность или выполнение работ, оказание услуг)[2].

Проводя соотношение прав, указанных в ч. 2 ст. 1 закона о ЦФА и позиционирующихся действующим российским законодателем как ЦФА, с другими объектами цифрового мира, такими как аккаунты в социальных сетях, доменные имена и пр., ясно, что это совершенно разноплановые категории. Права, которые обозначены современным российским законодателем как ЦФА – это права, возникающие в рамках относительных правоотношений, когда каждому правообладателю противостоит конкретное обязанное лицо (природа такого отношения не меняется даже с учетом того, что отмеченное взаимодействие осуществляется при посредничестве оператора информационной системы, в которой совершен выпуск ЦФА, и оператора обмена ЦФА). В отличие от этого правоотношения, возникающие относительно иных объектов, созданных при помощи цифровых технологий, таких как цифровые картины[3], доменные имена[1], акка-

---

[1] См.: Глазунов Д., Ушаков О. О цифровых финансовых активах. URL: https://LegalAlert_ФЗоЦифровыхфинансовыхактивах_03082020г.docx.pdf(epam.ru) (дата обращения: 05.03.2023).

[2] Информационные материалы по отдельным вопросам заполнения уведомления о принадлежащих цифровых финансовых активах, цифровых правах, включающих одновременно цифровые финансовые активы и иные цифровые права, утилитарных цифровых правах и цифровой валюте (при их наличии) (подготовлены ДГСК МВД России): офиц. сайт Управления на транспорте МВД России по Дальневосточному федеральному округу. URL: https://дфоут.мвд.рф/document/23943348%20/ (дата обращения: 15.05.2023).

[3] См.: Телюкина М. В. Цифровое произведение как объект гражданских прав // Право будущего: интеллектуальная собственность, инновации, Интернет. 2018. № 1. С. 70–76; Исаева О. А. Цифровая живопись как актуальное направление отечественного искусства // Вестник СПбГИК. 2017. № 1 (30). С. 173–176.

унты[2], носят абсолютный характер, поскольку в таком случае управомоченному лицу – обладателю аккаунта, доменного имени, цифрового произведения и пр. – противостоит неопределенный круг лиц. Если первые осуществляют права своей волей и в своих интересах, то вторые обязаны не чинить препятствий правообладателям в осуществлении их прав. Налицо совершенно другая природа возникающих отношений.

Рассмотрев перечень и содержание прав, удостоверяемых при помощи юридической конструкции ЦФА, возникает вопрос: а возможно ли зафиксировать данные права иным способом, кроме как осуществлением записей в информационной системе, функционирующей на основе технологии распределенного реестра (т. е. технологии блокчейн)? Ответ очевиден. Конечно, возможно. Правомерность предъявления денежных требований может вполне успешно фиксироваться как путем составления традиционных договоров, так и документарных ценных бумаг. Права акционеров непубличного АО вполне успешно фиксируются посредством бездокументарных акций (от документарных акций законодатель отказался только исходя из участившихся случаев мошеннических действий, осуществляемых посредством использования конструкции документарных акций, и неспособности рядового участника гражданского оборота отличить подлинную акцию от сфабрикованной).

Специфика ЦФА (т. е. прав, указанных в ч. 2 ст. 1 закона о ЦФА) определяется только спецификой их фиксации, т. е. посредством внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы. Каких-либо новых, ранее неизвестных российскому праву имущественных прав посредством использования конструкции ЦФА не фиксируется, однако сама цифровая форма фиксации принадлежности

---

[1] См.: Кожемякин Д. В. Доменное имя в системе объектов гражданских прав: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2017; Лысенко А. А. Доменное имя как объект интеллектуальной собственности // Вопросы российской юстиции. 2019. № 1. С. 771–776.

[2] См.: Шахова А. М. Приобщение аккаунтов в социальных сетях к объектам интеллектуальной собственности как вариант установления правовой защиты результатов интеллектуальной деятельности в сети Интернет // Вопросы российской юстиции. 2020. № 6. С. 254–259.

прав, указанных в ч. 1 ст. 2 закона о ЦФА, требует изучения. Именно в форме фиксации в электронно-виртуальной среде совокупности имущественных требований и лежит основная новизна феноменов «цифровые финансовые активы» в частности и «цифровые права» в целом.

Если следовать логике законодателя, демонстрируемой при формулировании положений ст. 141.1 ГК РФ, закона о ЦФА, то получается абсурдная картина: при изобретении телеграфа и получении возможности объективировать волю участников правоотношений посредством телеграфных сообщений будем говорить о телеграфном праве; при изобретении факсимильной техники – о факсимильном праве и пр. Цифровая форма объективации воли сторон – это не основание говорить о цифровом праве. Следует различать такие категории, как «объекты, созданные в цифровой форме», и «сведения об объектах, зафиксированные в цифровой среде». Гораздо уместнее вместо категории «цифровое право» использовать термин «оцифрованное право», «оцифрованные права», что позволит более точно передать суть возникающих отношений.

Форма объективации воли участников гражданских правоотношений и фиксации принадлежности тех или иных имущественных прав конкретным субъектам гражданского оборота в настоящее время определена нормами ст. 158 ГК РФ. Законодатель в указанной статье устанавливает, что сделки совершаются в устной или письменной форме (простой или нотариальной). Бесспорно, что внесение в информационную систему, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, записи о зачислении цифровых финансовых активов управомоченному лицу – это один из примеров волевых, правомерных действий, влекущих наступление гражданско-правовых последствий, что в полной мере соответствует критериям сделки как основанию возникновения, изменения или прекращения гражданских прав и обязанностей[1].

В 2019 г. нормы ст. 160 ГК РФ, регламентирующей вопросы соблюдения письменной формы сделки, были дополнены положениями, в соответствии с которыми совершение сделки с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроиз-

[1] См.: Статья 153 ГК РФ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

вести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки, приравнивалось к соблюдению сделки в письменной форме.

О том, что решение о выпуске ЦФА составляется в *электронной форме*, прописано в п. 5 ст. 3 закона о ЦФА. Современный российский законодатель устанавливает, что такое решение в обязательном порядке должно подписываться усиленной квалифицированной электронной подписью[1] индивидуального предпринимателя или лица (лиц), осуществляющего функции единоличного исполнительного органа юридического лица, выпускающего ЦФА.

Для должного контроля и информирования других участников правовых отношений о выпуске в оборот ЦФА информация о таком выпуске должна быть размещена в Интернете не только на сайте лица, выпускающего ЦФА, но и на сайте оператора информационной системы, в которой осуществлен выпуск таких активов. Эти данные должны находиться в открытом доступе до полного исполнения обязательства, зафиксированного при помощи юридической конструкции ЦФА, обязанным лицом[2].

Таким образом, под ЦФА следует понимать цифровые аналоги долговых расписок, облигаций и прав участия в капитале непубличного АО, что на бытовом уровне нередко отождествляется с такой категорией, как «токен». К. Б. Раздорожный, говоря о ЦФА вообще и токенах в частности, сосредоточен на рассмотрении этих явлений с позиций электронных знаков, которые удостоверяют определенные имущественные права[3].

Хотя в официальном российском юридическом лексиконе в настоящее время категория «токен» не получила признания, но в пользовательской среде она достаточно популярна. Чаще всего этим термином обозначают цифровой актив, дающий его владельцу возможность взаимодействовать с цифровой платформой. На форуме cryptocurrency.tech автор научно-популярной публикации «Класси-

---

[1] См.: Об электронной подписи: ст. 11 федер. закона от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 15. Ст. 2036.

[2] См.: Пункт 6 ст. 3 Федерального закона о ЦФА. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] См.: Раздорожный К. Б. Финансово-правовое регулирование цифровых финансовых активов в Российской Федерации и в зарубежных странах: дис. … канд. юрид. наук. М., 2021. С. 10.

фикация цифровых активов. О монетах, токенах и ценных бумагах», объясняя суть токена, сравнивает его с билетом на карнавал, который в ходе этого мероприятия можно обменивать на хот-дог, сладкую вату или поездку на колесе обозрения. Однако за пределами карнавального праздника никто не будет предоставлять в обмен на этот билет какие-либо блага[1]. Этот подход некорректен. Как справедливо отмечают Л. А. Новоселова и О. А. Полежаев, ЦФА согласно закону о ЦФА могут выступать в качестве юридического механизма удостоверения возможности осуществления или передачи прав по эмиссионным ценным бумагам и в качестве самостоятельного средства фиксации прав, формирующих содержание ценных бумаг[2]. В. В. Акинфеева полагает, что в действительности ЦФА – это не новый вид гражданских прав, а новая форма их объективации[3]. За каждым цифровым финансовым активом стоит обязанное лицо, обязательства которого удостоверяются при помощи юридической конструкции цифровых финансовых активов. А. А. Карцхия рассуждает о модели цифровых финансовых активов и предпочитает говорить о порядке «фиксации прав на цифровой актив (имущество) правообладателя на основе имущественного права, удостоверенного посредством цифровых компьютерных кодов в реестре цифровых транзакций»[4].

[1] См.: Классификация цифровых активов. О монетах, токенах и ценных бумагах. URL: https://cryptocurrency.tech/klassifikatsiya-tsifrovyh-aktivov-o-monetah-tokenah-i-tsennyh-bumagah/ (дата обращения: 15.01.2023).

[2] См.: Новоселова Л. А., Полежаев О. А. Цифровые финансовые активы как объекты имущественных отношений: актуальные вопросы теории и практики // Власть закона. № 2 (46). 2021. С. 77.

[3] См.: Акинфиева В. В. Цифровые финансовые активы как новый вид цифровых прав // Ex jure. 2021. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-finansovye-aktivy-kak-novyy-vid-tsifrovyh-prav (дата обращения: 05.10.2022).

[4] См.: Карцхия А. А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 15.

Глава 3. Цифровая валюта как объект гражданских правоотношений

Первым опытом упорядочения общественных отношений в договорном порядке, касающихся оборота цифровой валюты (в широком смысле), следует признать предложенную Сатоши Накамото систему, суть которой он отразил в письме «Биткойн: система цифровой пиринговой наличности», опубликованном 31 октября 2008 г. на сайте Bitcoin.org[1]. Именно с этого момента и начинается эра цифровых валют.

Постепенно интерес к предложенной Сатоши Накамото системе электронных транзакций, не требующей установления между контрагентами доверительных отношений, основанной на криптографии и позволяющей любым двум участникам такой системы осуществить перевод средств напрямую, без участия посредника, возрастал. Бесспорным плюсом предложенной системы являлось то, что использование специальных механизмов эскроу, когда поступление средств на счет контрагента становится возможным только после того, как условия той или иной сделки, заключаемой между сторонами, будут выполнены, позволяло эффективно защитить покупателя.

Удобство предложенной Сатоши Накамото системы полностью одноранговых электронных расчетных средств, именуемых им как «цифровая пиринговая наличность», или Bitcoin, обусловило ее популярность среди пользователей компьютерных систем. Постепенно Bitcoin стал использоваться при осуществлении расчетов в информационно-коммуникационной сети Интернет по всему миру, а после публикации 20 апреля 2011 г. в журнале Forbes статьи Энди Гринберга «Криптографическая валюта» феномен Bitcoin все чаще и чаще стал именоваться термином «криптовалюта»[2].

Увеличение случаев обращения населения к институту криптовалюты стимулировало специалистов в сфере управления общественными отношениями к изучению этого явления и выработке правил,

---

[1] См.: Сатоши Накамото. Биткойн: система цифровой пиринговой наличности. URL: https://bitcoin.org/files/bitcoin-paper/bitcoin_ru.pdf (дата обращения: 05.12.2022).

[2] См.: A. Greenberg Crypto Currency. URL: https://www.forbes.com/forbes/2011/0509/technology-psilocybin-bitcoins-gavin-andresen-crypto-currency.html?sh=2e331288353e (дата обращения: 24.03.2023).

регламентирующих экономический оборот криптовалюты. При этом в качестве одной из особенностей института криптовалюты отмечается возможность любого пользователя просмотреть ее программный код, проверить наличие незадокументированных изменений, вносимых в информационную систему, и выявить недочеты. Кроме того, каждый пользователь информационной системы имеет возможность предложить свой метод исправления выявленных в системе ошибок или создать на основе программного кода новый программный продукт, усовершенствовать тот или иной элемент уже существующего программного продукта[1].

По состоянию на 6 декабря 2020 г. на сайте CoinMarketCap была размещена информация о функционировании в мире 3 900 различных криптовалютных систем, причем их общая рыночная капитализация оценивалась более чем в 26 442 001 654 000 рублей[2]. Однако такая информация не бесспорна. Аналитики сервиса Coinlore говорят о существовании более 4 500 криптовалютных систем[3].

Можно по-разному оценивать методики подсчета использования различных криптовалютных систем, но, несмотря на столь разнящиеся цифры, важно одно – криптовалюта становится все более и более популярной в мире и игнорирование необходимости правового регулирования этого феномена недопустимо.

Хотя с момента обнародования Сатоши Накамото своих идей прошло более 12 лет, до сих пор единого подхода, касающегося «хождения» цифровой валюты, в мировом сообществе нет. Сегодня можно выделить три различных концепции правового регулирования такого явления. Суть первого подхода заключается в понимании цифровой валюты в качестве нового эффективного платежного средства и государственном стимулировании его использования наряду с устоявшимися финансовыми институтами. В рамках второго подхода отстаивается необходимость ограничения «хождения» цифровой валюты с возможностью полного запрета использования

---

[1] См.: Код биткойна: как его получить и что с ним можно сделать. URL: https://prostocoin.io/blog/bitcoin-code (дата обращения: 24.03.2023).

[2] См.: Топ-100. Криптовалюты по рыночной капитализации. URL: https://coinmarketcap.com/39/ (дата обращения: 24.03.2023).

[3] См.: Сколько всего криптовалют насчитывается в 2020 г.? URL: https://golden-island.net/skolko-vsego-kriptovaliut/ (дата обращения: 24.03.2023).

криптовалюты в качестве платежного механизма. В соответствии с третьим подходом предлагается занять выжидательную позицию и в процессе наблюдения за развитием событий сориентироваться относительно дальнейшего сценария.

Чаще всего в рамках первого подхода законодатели различных стран стараются внести корректировки в действующие нормативные правовые акты, регламентирующие гражданский оборот. Разработка новых законов и регламентов осуществляется настолько, насколько это необходимо для корректировки ранее принятых норм права или для интеграции в них правил, опосредующих правовое регулирование новых явлений (такая позиция выбрана в качестве основной российским законодателем, и сегодня мы наблюдаем, как она последовательно воплощается в жизнь)[1].

В рамках второго подхода внимание общественности сосредоточивается, прежде всего, не на положительном эффекте от введения в оборот цифровой валюты, а на предположении возможного использования цифровой валюты в качестве механизмов, задействованных в нарушении субъективных прав граждан и юридических лиц, и конструкций, помогающих легализовать средства, полученные преступным путем[2].

Суть третьего подхода, демонстрируемого необходимость правового регулирования оборота цифровой валюты, заключается в выжидании[3].

Общей тенденцией в реакции мирового сообщества на развитие рынка ЦФА является разработка регуляторами (в основном национальными центральными банками) оговорок о рисках инвестирования в эти финансовые инструменты. Такие документы выпускаются в целях повышения осведомленности населения о различиях между криптовалютой и официальными валютами с акцентом на обеспечении

---

[1] См.: Обзор по криптовалютам (initial coin offering) и подходам к их регулированию. Банк России. URL: https://cbr.ru/content/document/file/36009/rev_ico.pdf (дата обращения: 25.04.2023).

[2] См.: Как в разных странах регулируют криптовалюту: обзор законов в 2020 г. URL: https://habr.com/ru/company/moneypipe/blog/523354/ (дата обращения: 24.03.2023).

[3] См.: Букина С. Е., Паламарчук А. Р. Правовое регулирование криптовалютной отрасли в России и за рубежом // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 6. С. 88–90.

государством стоимости последних[1]. Кроме того, в подобных документах делается упор на риски, связанные с волатильностью стоимости криптовалюты, отсутствием надзора за структурами, осуществляющими эмиссию цифровой валюты, а также на возможности, которые предоставляют криптовалюты для движения нелегальных денежных потоков[2], отмывания денег и финансирования терроризма[3].

Анализируя становление и развитие нормативного регулирования общественных отношений, касающихся цифровой валюты в Российской Федерации**,** прежде всего, стоит обратиться к дате 27 января 2014 г., когда Банком России был опубликован пресс-релиз «Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности, «биткойн»[4]. Хотя данный документ не может считаться нормативным правовым актом, однако его рассматривают как первую попытку регулятивного воздействия на общественные отношения, возникающие в сфере оборота цифровой валюты в России. Центробанк предостерегал граждан и юридических лиц о спекулятивном характере сделок с виртуальными валютами, высоком риске потери стоимости цифровалют, не рекомендовал обменивать товары, работы и услуги или денежные средства в рублях и иностранной валюте на «виртуальную валюту», отмечая, что у нее нет обеспечения, отсутствует круг юридически обязанных субъектов.

---

[1] См.: European Central Bank: Bitcoin a Risky Alternative to Euro // CoinDesk. 21.05.2014. URL: https://www.coindesk.com/markets/2014/05/21/european-central-bank-bitcoin-a-risky-alternative-to-euro/– (дата обращения: 24.03.2023); Virtual Currencies: Emerging Regulatory, Law Enforcement, and Consumer Protection Challenges. 29.05.2014. URL: https://www.gao.gov/products/gao-14-496 (дата обращения: 24.03.2023).

[2] См.: Bitcoin Virtual Currency: Intelligence Unique Features Present Distinct Challenges for Deterring Illicit Activity // Federal Bureau of Investigation. 24.04.2012. URL: https://www.wired.com/images_blogs/threatlevel/2012/05/Bitcoin-FBI.pdf– (дата обращения: 24.03.2023).

[3] См.: Singh K. The New Wild West: Preventing Money Laundering in the Bitcoin. Northwestern Journal of Technology and Intellectual Property. 2015. Vol. 13. No. 1. P. 327–344.

[4] См.: Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности, «биткойн»: пресс-релиз Центрального банка России от 27 января 2014 г. URL: https://www.cbr.ru/press/PR/?file=27012014_1825052.htm (дата обращения: 24.03.2023).

В свете данной позиции Министерство финансов Российской Федерации разработало законопроект «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который был опубликован 3 октября 2014 г. на федеральном портале проектов нормативных правовых актов[1], но в последующем изъят из информационного пространства. В данном законопроекте предусматривалось введение жестких административных санкций: за использование в расчетах денежных суррогатов; установку на ЭВМ и запуск майнинговых компьютерных программ, позволяющих вырабатывать криптовалюту путем выполнения определенных алгоритмов; распространение информации, касающейся способов приобретения и реализации виртуальной валюты. Хотя термины «цифровые финансовые активы», «криптовалюта», «виртуальная валюта», «цифровая валюта», «биткойн» в анализируемом законопроекте не использовались, однако в нем рекомендовалось дать легальное определение категории «денежный суррогат». Разработчиками законопроекта предлагалось в качестве денежного суррогата считать «другие (помимо рубля) денежные единицы и объекты имущественных прав, выпущенные в том числе в электронном виде, используемые в качестве средства платежа и (или) обмена, не предусмотренные законодательством, выпуск (эмиссия) и осуществление операций с которыми запрещается»[2].

Критически оценивая такую законодательную инициативу, можно предполагать, что она была обусловлена непониманием тех преимуществ, которые несет в себе использование конструкции цифровой валюты, а также недостаточной компьютерной и коммуникационной грамотностью разработчиков законопроекта. Похожую позицию занимает управляющий партнер «Центра цифровых прав» С. Дарбинян, совершенно справедливо отметивший, что принятие названного выше законопроекта в предлагаемой редакции не позволило бы

[1] См.: Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: https://regulation.gov.ru/projects/List/AdvancedSearch#StartDate=3.10.2014&departments=3&EndDate=3.10.2014 (дата обращения: 24.03.2023).

[2] Предлагается установить ответственность за выпуск (эмиссию) денежных суррогатов и осуществление операций с их использованием. URL: http://www.consultant.ru/law/hotdocs/37480.html/ (дата обращения: 24.03.2023).

России использовать преимущества виртуальной валюты как инструмента, ломающего парадигму валютной эмиссии, и негативно отразилось бы на внедрении в экономику технологии блокчейн[1]. Однако этот законопроект не получил поддержки со стороны российского законодателя и не был принят.

Что же касается такого феномена, как «цифровая валюта», то тут действительно определенное новшество. А. А. Ситник предлагает рассматривать цифровую валюту в качестве «особого финансового инструмента»[2].

Согласно п. 3 ст. 1 ФЗ № 259 от 2020 г. цифровой валютой является совокупность электронных данных в форме цифрового кода или обозначения, которые содержатся в информационной системе. Сами по себе эти данные какой-либо ценности не представляют, что позволяет А. О. Иншаковой, А. И. Гончарову, Д. Е. Матыцину и др. ученым обозначать их как «криптозаписи»[3]. Однако по добровольному соглашению неопределенного круга лиц, являющихся участниками определенной информационной системы, функционирующей по технологии распределенного реестра, эти криптозаписи (как альтернатива существующим фиатным валютам) выступают в данной среде мерилом (эквивалентом) взаимных обязательств и расчетов. Причем этот эквивалент не подвержен администрированию со стороны какого-либо государственного эмиссионного центра, в качестве которого рассматриваются, прежде всего, национальные финансовые регуляторы (центральные банки)[4].

---

[1] См.: Дарбинян С. Криптовалюты уходят в андеграунд. Законопроект от Минфина. URL: https://habr.com/ru/post/239205/ (дата обращения: 24.03.2023).

[2] См.: Ситник А. А. Цифровые валюты: проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 11. С. 103–113.

[3] См.: Объекты гражданских прав: учебник для бакалавриата, специалитета и магистратуры / под ред. А. И. Гончарова, А. О. Иншаковой. 2-е изд. М.: Юрайт; Волгоград: ВолГУ, 2019. 567 с.; См.: Матыцин Д. Е. Неоиндустриальный инструментарий оборота бездокументарных ценных бумаг: цифровые технологии реализации и защиты прав инвесторов и эмитентов // Legal Concept (Правовая парадигма). 2020. Т. 19. № 3. С. 73–83.

[4] См.: Филиппов П. М., Садков В. А. О феномене «криптовалюта» и допустимости этого термина в современном юридическом лексиконе // Legal Concept (Правовая парадигма). 2020. Т. 19. № 1. С. 16–24.

О признании «цифровой валюты» в качестве оригинального объекта гражданских правоотношений, который активно используется в гражданском обороте, свидетельствуют и формулировки Проекта Федерального закона № 1065710-7 «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации», внесенного Правительством Российской Федерации в Государственную Думу Российской Федерации [1]. В соответствии с п. 3 ст. 1 названного выше проекта цифровая валюта рассматривается как имущество, хотя при этом делается оговорка, что такой подход осуществляется в целях налогообложения.

[1] См.: О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации: проект федер. закона № 1065710-7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Термины «цифровые права», «утилитарные цифровые права» и «цифровые финансовые активы» касаются, прежде всего, не каких-либо новых оригинальных объектов гражданских правоотношений, а формы фиксации в электронно-виртуальной среде совокупности имущественных требований. В рамках дискуссии о правовой природе цифровых финансовых активов допустимо их рассматривать как цифровые аналоги векселей, акций, облигаций с денежным покрытием и опционов эмитента. Нормы ст. 141.1 ГК РФ, Федерального закона от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» следует соизмерять с правовыми нормами, характеризующими форму сделки. Если говорить о гражданском обороте в киберпространстве, то вместо термина «цифровые права» уместно использовать категорию «оцифрованные права», а вместо термина «цифровые финансовые активы» употреблять словосочетание «оцифрованные финансовые активы», под которыми рассматривается форма фиксации денежных требований, прав обладателей эмиссионных ценных бумаг и требований о их передаче, прав участия в капитале непубличного акционерного общества посредством осуществления записей в информационную систему, функционирующую на основе технологии распределенного реестра.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гришаев, С. П. Эволюция законодательства об объектах гражданских прав: монография / С. П. Гришаев. – Москва, 2015. – 249 с. // Гарант : информ.-правовой портал.

2. Карцхия, А. А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Карцхия Александр Амиранович. – Москва, 2019. – 44 с.

3. Маркова, В. Д. Цифровая экономика : учебник / В. Д. Маркова. – Москва : ИНФРА-М, 2021. – 184 с. – ISBN 978-5-16-013859-6.

4. Объекты гражданских прав : учеб. пособие для бакалавриата, специалитета и магистратуры / под ред. А. И. Гончарова, А. О. Иншаковой. – 2-е изд. – Москва : Юрайт ; Волгоград : изд-во ВолГУ, 2019. – 565 с. – ISBN 978-5-9669-1856-9.

5. Объекты гражданских правоотношений : коллективная монография / [А. Б. Арзуманян и др.] – Невинномысск : Невинномысский гос. гуманитарно-технический ин-т ; Ставрополь : Изд-во Северо-Кавказского гос. технического ун-та, 2009. – 253 с. – ISBN 978-5-9644-0112-4.

6. Раздорожный, К. Б. Финансово-правовое регулирование цифровых финансовых активов в Российской Федерации и в зарубежных странах : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.04 / Раздорожный Константин Борисович. – Москва, 2021. – 28 с.

7. Садков, В. А. Цифровые финансовые активы как объекты гражданских прав и их оборот : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03 / Садков Виталий Андреевич. – Волгоград, 2022. – 211 с.

Учебное издание

Глазкова *Мария Константиновна*
Котельников *Николай Васильевич*
Садков *Виталий Андреевич*
Филиппов *Петр Мартынович*

ЦИФРОВЫЕ ПРАВА

Учебное пособие

Редактор *М. С. Чубарова*
Компьютерная верстка *Ю. В. Сиволапова*
Дизайн обложки *А. Н. Улизко*

При дизайне обложки использовались материалы сайта:
https://строительные-споры.рф/uploads/posts/2020-04/1587647966_okfie9v9evs.jpg

Волгоградская академия МВД России.
400075, Волгоград, ул. Историческая, 130.

Редакционно-издательский отдел.
400005, Волгоград, ул. Коммунистическая, 36.

Подписано в печать 16.09.2023. Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Физ. печ. л. 4,3. Усл. печ. л. 4,0.
Тираж 50 экз. Заказ 42.

ОПиОП РИО ВА МВД России. 400005, Волгоград, ул. Коммунистическая, 36.